

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Května 1933.

Volné Kozáctvo

Ročník VI.

128

10-го мая 1933 г.

10-го травня 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий

Fl. Taron

СОДЕРЖАНИЕ.

1. The Cossacks and the Cossack question.
2. Борис Кундрюцков: Ларька Хренов (сказ). (Verše).
3. Павел Поляков: И. Томаревскому. (Verše).
4. Трагедия Казачества. (Tragedie kozáctva).
5. А. Ленивов: Терское Войско. (Terské Vojsko).
6. Д-р. Хара-Даван: История национального вопроса. (Historie národnostní otázky).
7. Чужинец: Организации казачьей молодежи и движение на Дону, на Кубани и на Тереке в 1876—1878 г. г. (Organisace kozácké mládeže a národní hnutí na Doně, Kubáni a Tereku r. r. 1876—1878).
8. Аяс Исхаки: Идель-Урал. (Idel-Urál).
9. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
10. Около выставки славянских журналов в Праге. (Kolem výstavy slavanských časopisu v Praze).
11. П. Поляков: Казачьи фельетоны. (Kozácké feytleony).
12. Ш. Ниминов: Пражские минюатюры. (Pražské drobnosti).
13. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
14. Тоже Казачеству для сведения. (K vědomosti Kozáctva).
15. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Ганновер. — Х. О. — Переслано. Привет.
Граево. — В. Е. — Получено. Привет.
Страконицы. — Г. Л. — Получены. Привет.
Лион. — А. Л. — Получено. Привет.
Лион. — И. М. — Получено. Привет.
Румыния. — И. К. — Получено. Привет.

Нью-Йорк. — М. Ч. — Посылается. Привет.
Лион. — И. К. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Кабоссель. — С. Т. — Получено. Ответ — письмом позже. Привет.
Казанлик. — М. Б. — Получены своевременно, Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Н. М. Дмитренко — Београд.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. UGINE.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

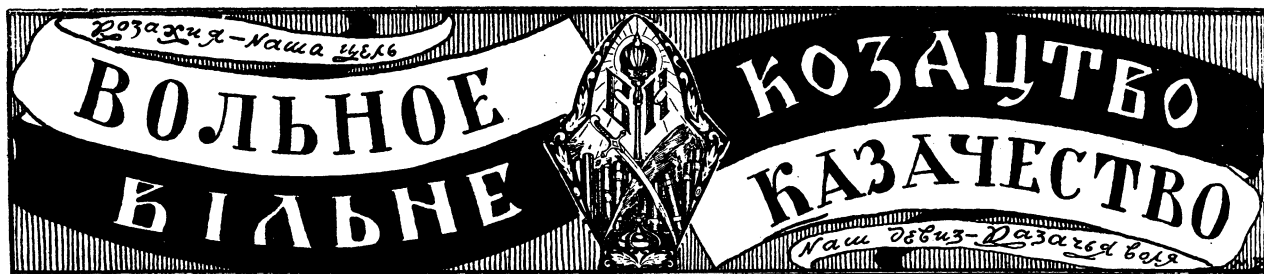
С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 128

Среда, 10 мая, 1933 = Среда, 10 травня, 1933.

№ 128

The Cossacks and the Cossack question.

The Cossacks are one of the five Slavonic peoples that formed the old Russian Empire (Great-Russians, Poles, Ukrainians, White Russians and Cossacks).

Having lost their independence two centuries ago, the Cossacks are now fighting again for their freedom; revived to new national existence, they aim at their state-emancipation. The purpose is precisely fixed and the Cossacks are prepared to combat keenly to attain it.

Suffering under the unbearable yoke of red Moscow there and living in moral misery and hardships here, nevertheless we do not want other nations to do the work of liberation for us; we do not invite them to fight for our freedom.

We do fight for our own cause and we will fight with all our forces, side by side with our natural allies who, like us, are struggling to get free from the red imperialism.

But we need a certain help from the nations that are happy to live in their independent states.

Not only because of our need are we putting the question in that way, but also because of the fact that it is not all one for Europe how the struggle for liberation of the enslaved nations on the territory of the Soviets will end.

However it's not with a light heart that we are looking for that support. And if still, hoping to find it, we are considering not so much sympathy to us as growing consciousness of the world for the danger which lies in the existence of an active imperialistic state with its messianism of re-building the whole of universe on Muscovian patterns. The domination of such a government upon many nations does not bring nor will it bring in the future any good to fo-

reign peoples, although they have no contact with the Soviet-Union or often are even fenced off it by a double China wall.

What is the support we are in need of?

First of all, it is moral support. The world does not know much of the Cossacks; nor is the little that is known always true. For it is taken from a second or third party which are not always interested in giving authentic information. Here we are speaking about ourselves and on our own account.

We shall not relate the continual struggles in defense of our rights in the past; neither shall we describe the unmeasurable endurances of our population under the Sovietic occupation, nor will we mention our actual hardships, as emigrants. We do not wish to annoy people by our own misery. But we would like to make European nations know something about our historic fate and our aspirations. We want to tell them how keen our desire for liberty is, how we covet to live normally, as other nations do, exercising self-control upon our present and future... We want to be heard and to be understood.

The Cossacks belong to those Slavonic tribes that inhabited the steppe-areas between the Volga and the Don and the shores of Azoph and Black-Sea in the remote times when Kiev Russ was created on the Dnieper and later Muscovia on the woody North of the great West-European plain.

Occupying the great wayfare from Asia to Europe by which many tribes were wandering from the East westward — the inhabitants of Azoph steppes have acquired a good deal of Turkish blood in their veins. The Cossacks of to-day have for ancestors precisely these steppe-Slavs mixed with old nomadic tribes of Middle Asia.

Continual invasions of the asiatic hordes (Turkisch and Mongolian) considerably kept back the political evolution of our forefathers. Still in the course of the fourteenth and the fifteenth centuries there came to life two Cossack republics on the Don and on the Dnieper which maintained their independence throughout the XV, XVI and XVII centuries.

By the end of the seventeenth century Muscovian expansion reaching nearer Cossack frontiers a gradual swallowing of the Cossack lands began which was later going on under the Emperors of Peterburg. A great blow to the Cossacks was made by Peter the Great in 1708 who exterminated the political independence of the Don.

In 1773 Catherine II made an end to the republic of the Zaporogue Cossacks who later settled on the Kuban.

The Cossacks have lost their independence. But they did not lose at once all their authonomic rights. About two hundred years lasted the liquidation of the autonomy of the Cossack lands owing to a stand made against these politics.

At the outbreak of the revolution, in the year 1917, the Cossacks still preserved some rests of their autonomic rights and did not mingle with the population of other part of the Empire. This fact explains why in 1917 the Cossacks with such easiness transformed their ancient autonomy into a democratic rule leaning upon the will of self-governing provinces. At the very moment when the Bolsheviks got hold of the power, the Cossacks proclaimed their separation from Soviet-Russia.

In the course of the years 1917—1918 there were created and juridically sanctioned several Cossack republics: Don, Kuban, Terek. Something like that was practically going on at the Oural (Iaik), in the lands of Orenbourg and Astrakhan Cossacks, as well as in Siberia.

A conflict burst out. And then we realized that Russian revolutionary politics with regard to us were worse than those of the old tsarism. The Bolsheviks broke upon the Cossack republics. Unhappily, our situation was considerably complicated by the part the leaders of the „Whites“, Denikine and Vranghel, were playing in behalf of the Cossacks. Besides, our cause was harmed by the Great Powers that did all to make Cossack troops subjugate to the Russian anti-revolutionary commandment.

So it came about that while the bulk of Russian people yielded to the Sovietic power, the Cossacks found themselves alone against the whole of Soviet Russia. Defeat was inevitable; and of course, it has come.

This failure left in Cossack hearts not only bitter regrets, but also a certainty that

there is no other way, than the way of separatism.

Presently our country is under occupation of the Bolsheviks. Dreadful is the régime of the conquerors in Cossack lands. They are without mercy to their adversaries. But, in spite of all persecutions, the feeling of national individuality, grows among the Cossacks. And no repressions will be able to exterminate it...

The terrible terror practised by the occupants and the double wall with which the Muscovian rulers have isolated the country from the world make it our moral duty to rise our voice in defence of our mother-country. The bond between us, Cossack emigrants, and our unhappy brethren at home is not broken and we have to continue the struggle for freedom that they began in 1918. We are obliged to express before the world Cossack ideals and claims. And that is why we want to tell to the foreign world the truth about the Cossacks.

Few people know, for instance, that the great ideas of the French Revolution — liberty, equality and fraternity — had been, long before, real principles on which all social and political life in the Cossack republics was based.

After the breakdown of the Russian Tsarism, the Cossacks have again restored their republics; and again they were based on the same principles of true democratism. But the Bolcheviks, these implacable enemies of liberty and all „sentimental prejudices“ ruined Cossack freedom.

Yet Cossack will is not broken. Stifled as their voice is in their own country, it will resound here, among Cossack refugees, who feel it their duty to proclaim Cossack rights.

A group of Cossack emigrants that are publishing in Prague a periodical „The free Cossacks“ are pursuing this task of developing and propagating the Cossack program.

What is the program of the „Free Cossacks“?

It is very clearly expressed, as a program of liberation of all the lands of the European Cossacks — Don, Kuban, Terek, Astrakhan, Oural, Orenbourg and Calmuck from belonging to the Union of Soviet Republics and of creation from the said lands of a separate independent state — Cossackia.

This program is not new. In the course of the years 1917—20 the question of establishing a Cossack state-union has been put by the Cossacks four times, but every time exterior forces prevented its fulfilment.

What would be like this new planned formation — Cossackia?

The area of six Cossack domains with the Calmuck district makes approximatively 870.000 square kilometres. The population on that territory amounts to nearly 11.000.00.

In this short paragraph we cannot provide to the reader details of historic, geographic and economic character, which interested persons can find in special books and publications. Here we can only emphasize that not only will to independence, but also geographical, economic and historic conditions are pleading favourably for the cause of independence.

These are our claims. In bringing them forward before the world we are hoping they would meet this time with comprehension and sympathies of all friends of justice, freedom and progress. We hope they will realise our position of animosity against the all — ruining poison of communistic practice — this animosity being dictated by our instinct of preservation of our own nation. We would like to believe that in the future struggle the Cossacks will meet not only understanding, but good will and help from other nations.

Борис Кундюков. (†).

Ларька Хренов.

(Сказ).

Под алжирским солнцем, где песок гуляет,
Где гиены ночью воют жутко так,
А араб о звездах сонно распекает,
Шел там изнуренный, сгорбленный казак...
Шелк на шароварах весь давно порвался,
Сапоги сносились, облысел курпей,
Но во взоре гордом все ж огонь остался —
Непреклонна воля средь печальных дней...
Там, где пальмы низко над водой склонились,
Где источник чистый бьется и журчит,
Где кусты и травы скромно приютились
Все прохладой дивной путника манит...
Подошел, напился и разул он ноги
И полез в помятый вышитый кисет —
В бесконечно-длинной, тягостной дороге
Неразлучен с трубкой странник много лет...
Трубочка — черна та, в серебре, в оправе,
Даже есть там пятен кровавых узор
И в бою курилась, на честной забаве,
И была подругой с давних, давних пор...
Закурил он трубку с думой невеселой,
Голову склонивши на широку грудь,
В мыслях выплыл снова весь его тяжелый
Весь опасный, трудный, бесконечный путь...
От Симбирска на Дон, под Азов, к Османам.
Пять друзей в дороге мертвых потерял,
Был когда то мощным, смелым атаманом,
А теперь скитальцем загнанным он стал...
А Османы??.. вспомнил... приняли посланцев
От Москвы кровавой, что пришли в Царьград.
Их с толпой встречали девять обворованцев —
Слушали, что баре туркам говорят...
Вот боярин в темном с золотом кафтане
Важно отчеканил гордые слова:

— К вам пробрался Ларька... может в
Нам нужна казацья эта голова... [Курдистане...
Сколько будет весить, на весы мы бросим
Золота и, даже, кинем жумчуга...
Поищите пуще, послужите, просим, —
Мы не знаем злее от него врага...

Переводчик старый зашептал с пашею,
А паша от слов тех облизал уста,

И свой лоб и сердце тронувши рукою,
Тех гостей в резные ввел он ворота.
Будет угощать их... запенится брага,
Запоют там стройный (из рабынь) хорал...

А к Босфору тихо побрела ватага
И в кругу том малом Ларька речь держал:
— Ты, Миусский, с Богом!.. Шесть возьми с собою,
В Польшу проберитесь, а потом и в Сичь...
Ты-ж, Никола, брат мой, здесь побудь со мною...
А, Миусский, слушай, ты в Сичи поклещь...
Если жив остался Лазарь Тимофеев,
Если от холопов с Дона убежал,
Так скажи, что б мстил он, не щадил злодеев
И за Стеньку крепко до конца стоял...
Передай Серку ты, Кошевому, низкий
От меня казачий дружеский поклон —
В путь пойду я завтра, в путь пойду неблизкий
Но, чтоб тебе верил, как и Ларьке, он...
С Богом!.. В струг садитесь...

— повернулся в город,
А за ним Никола сзади поспешал,
Был Никола строен, был Никола молод,
Смолоду он горе жизни испытал.
За Казачью Волю с братом рвался в битвы,
Разину в Симбирске рану завязал,
Он творил о павших казаках молитвы
И отца в Азове в землю закопал...

— Что-же мне бояться, размышлял, шагая:
Если надо будет, я за Дон помру,
Коли участь смелых нас постигла злая,
От идеи старой я не отступлю...

Так он шел и думал. Ларька трубку молча
Впереди, нахмурясь, темную тянул...
И была походка атамана волчья...
У огады... сильно турка он толкнул.
За чалму схвативши, приподнял с порога
По турецки что-то у него спросил
И потом — Николе:

. — Тут все, слава Богу...
И тихонько в сад он дверцу отворил.
Пояс широченный со слуги сорвали,

Шаровары с шелка сняли и бешмет,
И чалму с обритой головы смотали.
И, одевшись, Ларька спрятал пистолет.
Где в кустах и розах скрылася ограда —
Николай остался турка сторожить,
Атаман же Хренов по аллеям сада
Стал бесшумной тенью ко дворцу скользить.
Обогнул фонтаны, к лестнице подкрался,
Поднялся и двери белые толкнул,
Перед ним с дивана янычар поднялся —
В грудь ему по ручку Ларька нож воткнул,
Через труп хрипящий он проник в покои
И в опочивальню тихую вступил.

На кровати низкой с бородой седою
Из Москвы боярин мирно опочил.
Хренов к изголовью подошел и долго,
Не мигая, в брови белые глядел —
Вспомнил он Саратов, Астрахань на Волге,
От кипящей злобы Ларька побледнел...

— Гей... проснись, боярин!.. Что-й-то ты
заспался?!

Аль ты думал будут сон твой сторожить?..
Ларька Хренов нынче во дворец забрался
И тебе осталось может мало жить...

Рот закрыл свой спящий... дрогнули ресницы,
Будто бы кошмаром полетели сны,
Завертели в мыслях огненные спицы,
В страхе растерялся... не согнуть спины...

— Ну, открой-же очи потешался дальше,
Да послушай речи вольные мои,
Говорить я буду, как казан, без фальши —
И не так, как слуги, холоуи твои...

Глаз один открылся, весь дрожа, спросонки
Скомкал в пальцах тонких кружова простынь
Не видать ли помощь, нет ли слуг в сторонке?
Где-ж?.. один!.. от страха становился синь.

— Сядь!!!

Поднялся барин, опустил он ноги...

Хренов затянулся, посмотрел вперед.
Заломило спину от большой дороги,
Горечью давнишней залило вновь рот..
Выпил он водицы и пошел под пальму
И поплыл былого дикий хоровод —
Снова вспомнил турок, снова вспомнил —
спальню...

Как по ней боярин без порток ползет..
— Пощади, родимый... Ты — казак бывалый.
Я, ей-Богу, в этом сам не виноват..
От Москвы лишь послан... Я — простой
хозяин.

И, поверь, совсем я жизни сам не рад..
Пощади... Детишки на Москве остались..
Да жена старуха, все больна лежит..
Деньги на... Кошель вот... Все возьми...

Болтались
Мокрые усища... Бледен весь, дрожит..
Кошелек тяжелый оттолкнул, смеясь,
Шаг вперед и... замер. Сжался на ковре:

— Пощади... Всю жизнь я, за тебя моляся,
Все обиды вычту на своем Царе.
Хочешь — сам устрою заговор, зарежу..
И Москву с шести я запалю углов..
Эй, казак родимый, я тебя потешу,
Отомщу за павших, за твоих братьев..
Пусть Москва погибнет,, для тебя — улада,
Да останусь я ведь коротать свой век..
Прикажи... Боярин сильный — я...

— Не надо,

Замолчи сановный подлый человек.
Не убью, не бойся, вытри свои слезы.
Ты Москве, вернувшись, передай слова:
Не всегда богатым — золото и розы,
Не всегда свободным — горе и тюрьма..
Знаю, в поколениях зреет вам отплата,
Знаю, станет вольным и свободным юг,
И расшитый кантуш победит заплата,
И что страшен будет шум взвихренных выюг..
Сами вы в подвалы стащите тиранов,
Казаки воспрянут и пойдут в бои —
Пораженья будут... но на тех курганах
Запоют и песни соловьи свои..
И погибнет Царство... Новая держава
На казачьих старых вырастет костях
И навеки будет там казачья слава
Пановать в широких без конца степях...

— Передам, голубчик... Может быть еще есть..
Доложу боярам без утайки все..
Все погибнем, знаю... Слово верно, то-есть!..
Будем запекаться у чертей в огне...

— Все сказал... теперь-же... лишь добавлю.
Что для Ларьки нету той еще цепи... [Знаешь,

— И, родимый... Целый век свой прогуляешь,
Смелый ты и храбрый, Бог тебя храни...

Запер двери спальни, где посол унылый
На ковре, не веря сам себе, лежал..
И, нахмутив брови, затянулся с силой,
Вспомнил как к ограде, торопясь, бежал..
Не нашел Николы у ограды темной,
Захватили, видно, казака в полон.
Кинулись навстречу, но кулак огромный
Раскидал всех турок, выбежал он вон..
Так ушел с Царьграда... К итальянцам скоро
Он приплыл и снова... вот теперь — Алжир..
По Европе с воплем — ей, держите вора,
От Москвы, мотаясь, скачет бригадир..
Да куда там червя за орлом угнаться,
Да куда гиене там на льва напасть —
Ларька стал тихонько про себя смеяться
На кулак склонился, чтоб проспаться властью...

Под алжирским солнцем пальмы изнывают,
И короны листьев удивленно гнут,
Ветерок горячий кудри развевает,
Месяца и годы в вечность все бегут..
Спит казак удалый... пробужденье будет...

Уж источник тихий — бурный стал поток.
Грохотом и воем он его пробудит,
И волной холодной он коснется ног.
На яву пред Ларькой встанут, как виденье,

На конях вспененных братья-степняки:
— Ларька Хренов, на Дон!!! Кончилось гоненье!!!
Быют тебе Свободой старой казаки!!!
Белград, 10-11 августа, 1932 г.

Павел Поляков. (Белград).

И. ТОМАРЕВСКОМУ.

Благодарю... Мы не знакомы с Вами —
Тем слово доброе услышать мне милей.
Идеи нашей связь крепка давно меж нами
Как и святой завет служить добру степей.
За ряд тяжелых лет — сегодня миг счастливый —
Сказали нынче Вы, что я не даром пел,
Что лад моих стихов и песен зов тоскливый
До сердца и души казачьей долетел.
И верю, верю я — пройдут года скитаний

И завершит возврат в Казакию поход,
И будет светел час исполненных желаний,
И будет счастлив наш измученный народ.
Спасибо Вам... Моя казачья вера
Еще сильнее горит от задушевных слов.
И будем мы сильны. И будет песня мерой
Любви к родной земле свободных казаков.
Пусть кровь грядущая в последний раз прольется,
Пусть ночи темные, оставя нас, уйдут...
И весело, октаясь, казак за плуг возьмется
И... новые певцы прославят мирный труд.
28-IV-1933 г.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

И для кубанцев, защищавших самостоятельность Кубани, и для кубанцев, боровшихся за Россию и всеми мерами поддерживавших добровольческое командование, создалось тяжелое, почти безвыходное положение. Ни те, ни другие не пошли тогда на решение спора путем вооруженного переворота. Вследствие этого союзные, но упорно враждующие между собою, преследующие совершенно различные цели, и связанные только угрозой со стороны большевистских войск, Кубано-Добровольческие силы двинулись с Дона на Кубань, успешно освобождая ее от большевистских войск, но, вместе с тем, крепко затягивая русско-кубанский узел...

При тех реальных обстоятельствах борьбы, которые существовали в 1918 г., освобождение Кубани от большевистских войск могло произойти только при условии всеобщего восстания кубанских казаков. Только при этом условии каждый шаг вперед по освобожденной территории Кубани означал увеличение вооруженных сил, на которые могло опереться Кубанское Правительство. Хорошо зная настроение всего коренного населения Кубани — казаков, горцев и иногородних, Кубанская Рада и Кубанское Правительство, в своем большинстве, нисколько не могли сомневаться в том, какая из двух, борющихся внутри Кубано-Добровольческой армии, сил, — русская или кубанская — усилится в период освобождения Кубани от большевистской власти. Ясно было, что на Кубани будет доминировать казачье самостоятельное течение. Надо было только поспешить освободить Кубань, надо было только создать условия, необходимые для того, чтобы воля кубанского населения могла нормальным путем, через вновь собранную Краевую Раду, выливаться. Поэтому Законодательная Рада и Кубанское Правительство, не становясь на весьма рискованный при тех условиях путь вооруженного разрыва кубанцев с русскими, кубанскими и пришлыми, повели свою работу в направлении скорейшего похода на Кубань...

К глубокому сожалению, до сих пор никто еще не опубликовал хотя бы общей оценки военных подвигов кубанцев, выявленных ими в тяжелой борьбе Кубани с большевистскими армиями; никто не оценил тех великих

потерь людьми и имуществом, которые понесла Кубань за это время; никто не указал на великое значение для всех народов, борющихся за свое освобождение, блестящих побед кубанских вооруженных сил в этот период борьбы. Упорно молчат бывшие начальники кубанских войсковых частей, молчат и бывшие военные министры Кубани. Русские военные и гражданские деятели не только замалчивают великое значение Кубани в борьбе с большевиками, но огромные усилия и успехи кубанских войск записывают в актив русских людей. (Добармии).

Сделав выше общую характеристику первого периода борьбы на Кубани, мы должны так же поступить и относительно дальнейшей, действительно героических, периодов кровавой борьбы.

К началу июня месяца 1918 г., в непосредственной близости к Кубано-Добровольческому отряду, находившемуся в южной части Дона, в тупом углу слияния реки Маныча и Дона, было сосредоточено большевиками около 70—80 тысяч войск: в районе Азов-Батайск-Кушовка-Сосыка были расположены войска Сорокина в количестве 30—35 тысяч бойцов при 80 орудиях; по линии железной дороги от Маныча до Тихорецкой было до 25—30 тысяч под командой Кальнина; и между Манычем и Доном в Сальском округе до 10—12 тысяч. Всеми этими войсками командовал генерального штаба генерал-майор Снесарев, находившийся в Царицыне.

Кроме Кубанского отряда, вышедшего из Екатеринодара в ночь под 1-ое марта 1918 г. и объединенного 14—17 марта с Добровольческим в районе станиц Калужская-Новодмитриевская; кроме новых пополнений кубанцами во время похода от Екатеринодара до ст. Успенской и потом на Дон, к Кубано-Добровольческому отряду присоединились: на Дону уже русский отряд полковника Дроздовского, бригада кубанских казаков, набранная в восточных станицах Ейского отдела, 3-го июня к кубанско-добровольческому отряду прорвалось полк мобилизованных большевиками кубанцев, 5-го июня из Кавказского отдела Кубани прорвалось новых 11 сотен кубанских казаков (Деникин, т. III, стр. 141).

К 10-му июня 1918 г. Кубано-Добровольская армия насчитывала около восьми с половиною — девяти

тысяч человек при 21 орудии. 10-го июня эта армия выступила в поход на Кубань, 11—12 июня разгромила большевиков под Торговой, 15 июня — разбила их под Великокняжеской, 20-го под Песчанокоской, 23-го под Белой Глиной и Новопокровской и 1-го июля взяла Тихорецкую.

Чтобы объективно оценить значение участия кубанцев в этих весьма успешных операциях объединенных войск, присмотримся внимательно к составу армии в начале этого так наз. 2-го Кубанского похода. Согласно данным, помещенным в книге Деникина „Очерки русской смуты“, т. III, стр. 148, в этот момент объединенные войска состояли из следующих частей:

1-ая дивизия (генерал Марков):

1-ый Офицерский пехотный полк (находился в Новочеркасске),

1-ый Кубанский стрелковый полк,

1-ый конный полк (находился в Новочеркасске),

1-ая отдельная легкая батарея (3 орудия),

1-ая инженерная рота.

2-ая дивизия (генерал Боровский):

Корниловский ударный полк,

Партизанский пехотный полк,

Улагаевский пластунский батальон,

4-ый Сводно-кубанский полк (конный),

2-ая отдельная легкая батарея (3 орудия),

2-ая инженерная рота.

3-я дивизия (полковник Дроздовский):

2-ой Офицерский полк,

2-ой Конный полк (часть его оставалась в Донской армии),

3-я отдельная легкая батарея (6 орудий),

Конно-горная батарея (2 мортиры),

Мортирная батарея,

3-я инженерная рота (сформирована во 2-м куб. походе).

1-ая конная дивизия (генерал Эрдели):

1-ый Кубанский казачий полк,

1-ый Черкесский конный полк,

1-ый Кавказский казачий полк,

1-ый Черноморский казачий полк.

1-ая Кубанская казачья бригада (ген. Покровский):

2-ой Кубанский казачий полк,

Взвод артиллерии.

Кроме того: Кубанский пластунский батальон, одна гаубица и броне-автомобили — „Верный“, Корниловец“ и „Доброволец“.

1-ый Офицерский пехотный полк и 1-ый Конный полк находились в Новочеркасске и в походе на Торговую, Великокняжескую, Песчанокоскую и Белую Глину участия не принимали. Таким образом, 1-ая дивизия пошла в поход под командой ген. Маркова в составе 1-го Кубанского стрелкового полка, состоявшего из кубанцев, 1-ой отд. легкой батареи и 1-ой инж. роты.

2-ая дивизия (ген. Боровского) состояла из Корниловского и Партизанского пех. полков, в составе которых в весьма значительном числе были кубанские казаки. В эту же дивизию входили чисто кубанские части — Улагаевский пластунский батальон и 4-й Сводно-Кубанский конный полк. В этой дивизии безусловное большинство составляли кубанские казаки.

3-я дивизия (полк. Дроздовского) была добровольческая, хотя потом пополнялась кубанскими казаками.

1-ая Конная дивизия (ген. Эрдели), 1-я Куб. казачья бригада и Куб. пластунский батальон состояли исключительно из кубанских казаков.

10-го июля 1-ая Конная дивизия (кубанская) после упорного боя овладела большим селом Лежанкой (более 40 тыс. жителей), 11-го — Богородицким, 12-го с бою захватила Николаевское, станцию Крученскую и, оставив прикрытые со стороны Тихорецкой, двинулась к Торговой. „Казаки и черкесы“, говорит Деникин, „прошли за 3 дня 140 верст с несколькими боями, уставшие лошади еле двигались. Тем не менее, Эрдели к вечеру подошел к Торговой, успев перехватить большевикам юго-восточные пути отступления, и в происшедшей затем конной атаке казаки многих изрубили, более 600 взяли в плен“. Следовательно, кубанцы 1-ой Конной дивизии при взятии Торговой блестяще выполнили весьма трудную задачу — разгромили большевические войска

под с. Лежанкой, Богородицким, Николаевским, Крученской и отрезали Торговую от главных большевических сил, сосредоточенных в районе Тихорецкой, и от Ставропольской губернии и, в конце концов, наголову разбили большевиков к юго-востоку от Торговой.

Кубанцы 1-й дивизии под командой ген. Маркова, вместе с донскими казаками отряда полковника Быкадорова, 11-го июня очистили от большевических войск район между рекой Юлой и Манычем и в тот же день приступили к операции против Шаблевки — станции к северо-востоку от Торговой, на линии железной дороги Царицын-Тихорецкая. „Станция оказалась занятой сильным отрядом (большевиков) с артиллерией и бронепоездами... Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавший серьезные потери, и только к вечеру, очевидно в связи с общей обстановкой, большевики начали отступать“ (Деникин, т. III, стр. 160). Следовательно, кубанцы, вместе с донцами, при взятии узловой станции Торговой выполнили другое весьма важное задание — обошли Торговую с севера и северо-востока.

2-ая дивизия под командой ген. Боровского (большинство кубанцы) разбила большевиков у Крученой балки. „По всему полю, насколько видно было глазу, текли в полном беспорядке толпы людей, повозок, артиллерии — спасавшихся от Боровского“, говорит Деникин (там же).

Не следует забывать, конечно, ни героизма, ни жертвенности и добровольцев в этой операции, положившей начало успешному походу на Кубань, но не следует замалчивать и того обстоятельства, что на долю кубанцев в боях за Торговую выпала наиболее ответственная задача — обойти Торговую с юга и юго-востока, с севера и с северо-востока, словом окружить Торговую и ударить на нее в центре (Боровский и Дроздовский). И эту задачу кубанцы выполнили блестяще, хотя и понесли серьезные потери. Не следует также забывать и большого значения участия донских казаков в этой операции.

При этом необходимо иметь в виду и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: всю операцию объединенных кубано-добровольческо-донских сил 10-12 июня против Торговой прикрывали с запада тоже исключительно кубанцы и донцы, ведя тяжелые бои с наступающими частями армии Сорокина, занимавшей фронт Батайск-Кущевка и, как мы видели, насчитывавшей 30-35 тысяч человек. По этому поводу Деникин пишет следующее:

„На 42-верстном фронте, от Кагальницкой до Егорлыкской, войск было немного: у Покровского (Кагальницкая и Мечетинская) — полк кубанцев, 2 орудия и 6 сотен донских ополчений — в общем не более 1½ тысячи человек; у подполковника Постовского (Егорлыкская), до прибытия Корниловского полка (25 июня из Новочеркасска), ополчение станицы — до 1000 человек с 2-3 орудиями“. (Деникин, т. III).

И эти небольшие силы кубанцев и донцов выдерживали кровавый натиск превосходящих сил большевиков, наступающих двумя отрядами силою около 10 тысяч человек, с многочисленной артиллерией и пулеметами, на станицы Егорлыкскую и Кагальницкую. Донцы и Кубанцы дрались весьма упорно и, понеся большие потери, с успехом выполнили задачу. Только 25-го июня на помощь кубанцам и донцам, проездом из Новочеркасска к главным силам Кубано-Добровольческой армии, пришли Марковский и 1-й Конный полки и помогли разбить большевиков, но уже 26 Марковский полк продолжал на подводах свой путь к главным силам, оставляя кубанцам и донцам тяжелую задачу сдерживать напор лучших частей армии Сорокина.

Пусть каждый объективный, даже русский, человек вдумается во всю операцию Деникина против Торговой, и он поймет, какое огромное, выдающееся значение имело участие во всех этих боях Кубанских и донских казаков: они окружают Торговую, сдерживают натиск большевиков со стороны Тихорецкой (армия Кальнина), отражают почти беспрерывные атаки армии Сорокина на фронте Кагальницкая-Мечетинская.

Это обстоятельство не мешало, однако, и не мешает русским людям кричать об успехах русской Добровольческой армии...

Тоже самое можно сказать и об операции против Великокняжеской 13-15 июня.

После того, как Кубано-Добровольческие силы после взятия Великокняжеской повернули на юго-запад в направлении Тихорецкой, донцы только своими силами (казаков и калмык) продолжали успешно очищать Сальский округ и скоро захватили в свои руки почти всю линию железной дороги Великокняжеская-Царицын. Донская армия своим, почти непрерывным, наступлением на самый Царицын с юго-востока, с запада и северо-запада в течении всего лета и осени 1918 года прикрывала кубано-добровольческие операции против большевиков на территории Кубани, Черноморской и Ставропольской губерний. И хотя донские казаки, принужденные вести бои на 800-т верстном фронте от Павловска, Воронежской губ., до Царицына, на Волге, с лучшими войсками 70-ти миллионной большевицкой России, и не могли взять Царицына (отчасти вследствие отсутствия тяжелой артиллерии, отчасти благодаря 5-ти месячному сопротивлению „хохлацкой“ слободы Мартыновки, отчасти благодаря неправильным распоряжениям донского командования), но они, славные, доблестные донские войска, сковали в городе Царицыне и его узле несколько десятков тысяч лучших большевицких войск, руководимых теперешним диктатором России Сталиным и др.

Кубанцы, терцы и горцы пусть не забывают никогда, что все их успешные операции в 1918 г. по очищению Кубани, Ставропольской и Черноморской губерний и Терской области, в значительной степени были обеспечены тем, что донцы удержали натиск России с севера... Неумно и абсолютно не объективно поступает Деникин, когда пробует высмеивать Донскую армию за то, что она не взяла Царицын в 1918 г.

Ниже мы увидим, с каким огромным напряжением всех Кубано-Добровольческих сил против Ставрополя (и только после полного окружения его) удалось 2-го ноября вырвать этот город из рук сравнительно небольшой, потрепанной в предыдущих походах и боях Таманской армии, состоявшей, главным образом, из кубанских иногородних. Мы также увидим, как неуспешна была первая атака Царицына уже в 1919 силами целой Кавказской (по существу Кубанской) армии, благодаря отсутствию предусмотрительности и не умению оценивать боевую обстановку, проявленным ген. Врангелем, понесшей при неуспешной атаке ненужные кровавые потери.

После взятия Торговой, Великокняжеской, Песчанокской и Белой Глины, Кубано-Добровольческие войска приступили к операции против Тихорецкой, этого весьма важного железно-дорожного узла. Коротко и в самых общих чертах отметим значение участия кубанцев в этой операции.

Если в мае и в начале июня месяца к Кубано-Добровольческой армии пробивались с территории Кубани целые отряды Кубанцев, то теперь, по мере приближения наступающих освободительных войск к той или другой кубанской станице, восставало поголовно все казачье население и вливалось в армию. Кубанское Правительство и Войсковой Атаман в июне месяце издали приказ о призыве в армию 10 призывных возрастов казаков, а остальная казачья масса составляла местные пополнения, несли гарнизонную службу в станицах и, весьма часто, выполняла серьезные боевые задания.

Генерал Деникин, как бывший командующий объединенными войсками, хорошо, конечно, осведомлен о значении этого народного освободительного движения, но он, однобоко описывая события, замалчивает и массовое казачье восстание и отменную доблесть кубанских войск и их огромные потери. Согласно его описаниям, честь освобождения Кубани принадлежит русской Добровольческой армии.

Подробно описав всю операцию, закончившуюся взятием Тихорецкой, расхвалив доблесть добровольцев, только потом он говорит о том, что армия за три недели, с 10-го июня до 1-го июля, пройдя с боями 262

версты, значительно пополнилась и увеличилась с 8½ тысяч до 20-ти тысяч (Деникин, т. III). Вместе с тем, он говорит, что армия за этот период боев потеряла убитыми и ранеными „более четверти состава армии“. Если первоначальный состав армии Деникин определяет в 8½-9 тысяч человек, то, вначит, армия потеряла 2-3 тысячи человек и в ней, если бы не было пополнений, должно было бы остаться 6-6½ тысяч. Откуда же взялось за три недели новых, по крайней мере, 14 тысяч бойцов? Отвечая на этот вопрос, Деникин говорит о 4-х источниках пополнений, а именно:

„1. Шел непрерывный приток с Украины и Новороссии, отчасти из Центральной России добровольцев, главным образом офицеров; освобождаемые кубанские станицы — по приказанию и добровольно — становились в ряды армии или вооруженными отрядами охраняли ее сообщения; поступали на пополнение частей, теперь уже в большем числе, пленные красноармейцы, и во всех районах действия армии привлекалась по мобилизации местная молодежь, первоначально два возрастных класса. Дроздовский даже сделал опыт формирования отдельной части из пленных и мобилизованных. Его „1-й Солдатский полк“, принимал доблестное участие под Тихорецкой... Пополнив значительную свою часть, Добровольческая армия к началу июля усилилась следующими войсковыми частями: одним пехотным полком („Солдатский“), четырьмя пластунскими батальонами, тремя кубанскими конными полками, пятью батареями“ (Деникин, т. III).

Только в сноске под текстом Деникин добавляет:

„Кроме чисто кубанских конных и пластунских частей, кубанские казаки входили в состав пехотных добровольческих полков. Бригада Покровского развернута в Кубанскую дивизию и сформирована отдельная бригада (Глазенапа)“ (там же).

Словом, кубанцы — это один из 4-х источников пополнения.

Переходя к перечислению вновь организованных войсковых частей, Деникин отмечает, что только у Марковского полка, бывшего более месяца на отдыхе в г. Новочеркасске, был сформирован третий батальон из офицеров, прибывших с Украины и Новороссии (Деникин, т. III, стр. 169), да во время похода, в июне месяце, был сформирован один пехотный полк „Солдатский“.

Мы уже выше отмечали на основании данных самого Деникина, что кроме технических частей, добровольцы имели 1-й Офицерский полк (Марковский), Корниловский ударный полк, 2-й Офицерский стрелковый полк и два конных полка. Деникин сам, хотя и мелким шрифтом и в сноске под текстом, все же признает, что кубанцы входили в состав добровольческих полков. Об этом свидетельствует и фотография „Похороны ген. Маркова в Новочеркасске“, помещенная в III томе книги Деникина „Очерки русской смуты“, на которой запечатлен Марковский полк, отдающий последнюю почесть ген. Маркову. На этой фотографии ясно видны шеренги кубанских казаков.

За время похода в июне месяце добровольческие части увеличились Солдатским полком, состоявшим из мобилизованных и военно-пленных. Куда же девался „непрерывный приток с Украины и Новороссии, отчасти из Центральной России добровольцев, главным образом, офицеров“, о существовании которого повествует Деникин, ставя этот способ пополнения на первое место и продолжая называть армию Добровольческой? Куда девалась мобилизованная молодежь?

Мы должны констатировать тот печальный для русских людей факт, что этого потока, да еще и непрерывного, к глубокому сожалению, ни зимою, ни весною, ни летом 1918 г. просто не существовало. Если бы донцы и кубанцы не шли в Добр. армию, когда она в первый раз в феврале и в марте месяцах 1918 г. продвигалась на Кубань, ища соединения с Кубанскими войсками, то она не привела бы и тех 2-2½ тысяч бойцов, которыми она вообще располагала в момент соединения с кубанским правительственным отрядом

14-17 марта 1918 г. Если бы Кубанское Правительство не мобилизовало казаков по пути следования армии от Екатеринодара на Дон, то на территории Донского Войска не пришло бы 5-6 тысяч человек объединенных войск. Сам Деникин признает, что распоряжение Донского Атамана об изъятии донских казаков из Добр. армии, по ее приходе на Дон, „расстроило сильно некоторые наши части, особенно Партизанский и Конные полки“. Само собою разумеется, что русские генералы умело выдавали этих донцов за русских добровольцев.

Совершенно понятно желание Деникина объяснить рост рядов бойцов в армии при походе на Кубань „непрерывным притоком“ ибо надо же за любую цену доказать, что Кубань освободили русские добровольцы, надо же как-то оправдать желание русских людей расправляться Кубанью!

Объективная правда заключается в том, что за счет новых добровольцев, поступивших в армию в мае и июне месяцах, можно было организовать только один 3-й батальон Марковского полка. Чрезвычайно слабый приток добровольцев принуждал командование пополнять добровольческие части кубанскими казаками. Так было все время войны.

Совсем иначе обстояло дело с кубанскими казачьими частями. Кроме вышедших во 2-й Кубанский поход чисто кубанских частей: 1-го Кубанского стрелкового полка, Улагаевского батальона, 4-го Сводно-куб. конного полка, 1-го Куб. казачьего полка, 1-го Черкесского, 1-го Кавказского полка, 1-го Черноморского полка, 2-го Куб. каз. полка, 3-го Куб. каз. полка, и Пластунского батальона — к началу июля были вновь организованы 4 Куб. пластунских батальона, 3 Куб. конных полка и 5 батарей, кубанцами же пополнялись неказачьи части армии. Из 20-ти тысячного состава Кубано-Добровольческой армии кубанцы составляли не менее 16-17 тысяч бойцов, находящихся в непосредственном распоряжении Деникина. Кроме того во всех станицах восточной половины Кавказского и Ейского отделов были организованы тысячные гарнизоны, несшие весьма ответственную не только гарнизонную, но чисто боевую службу. Так, станицы Кавказского отдела прикрывали армию со стороны Ставропольской губернии и линии железной дороги Ставрополь-Екатеринодар, еще находившейся в руках большевистских войск, а станицы Ейского отдела прикрывали Кубано-Добровольческую армию со стороны 25-30-ти тысячной армии Сорокина, все еще занимавшей фронт Азов-Батайск-Кушковка-Сосыка.

Необходимо также отметить, что между южным берегом реки Дона и северной границей Кубани, фронт Гулай-Борисовка-Ольгинская, после ухода кубанцев бригады Покровского, занимали исключительно донские казаки. Они же охраняли и пути сообщения Кубано-Добровольческой армии с Новочеркасском и сотнями казачьих подвод обслуживали, как перевозку войск

(Марковского полка из Новочеркаска, бригады Покровского), так и перевозку вооружения, поступавшего с Украины.

Далее необходимо отметить, что не только „движение армии вызывало подъем казачества“, как пишет Деникин, ибо в это время буквально вся Кубань была наполнена повстанческими казачьими и горскими отрядами. Иногда повстанцы объединялись в значительные отряды, успешно воюющие с большевиками. Были такие отряды в Лабинском, Майкопском и Баталпашинском отделах Кубани. Особенно значительный отряд казаков был организован полковником Шкуро из казаков Баталпашинского и Лабинского отделов. В середине июля этот отряд захватил было Кисловодск, потом направился на город Ставрополь и 8-го июля занял этот город. Этот отряд состоял из 4-х казачьих полков и был переименован во 2-ю Кубанскую дивизию. Поддержанный другими кубанскими казачьими частями, этот отряд разбил под Ставрополем 10-ти тысячный отряд Красной армии, при 6-ти орудиях, наступавший на Ставрополь с востока и юго-востока.

Для характеристики настроений и боеспособности русских офицеров в описываемый период борьбы следует отметить следующий факт: в июле месяце в Ставрополе был сформирован из ставропольских офицеров „3-й Офицерский полк Добровольческой армии“, но этот полк, как свидетельствует Деникин, „оказался не боеспособен и вскоре был расформирован“ (т. III, стр. 188).

В это же время (в июне мес. 1918 г.) подняли восстание терские казаки, освободили от большевистских войск линию железной дороги Моздок-Прохладная и пять месяцев успешно боролись против большевистских войск.

Если бы кто внимательно изучил и объективно описал освободительный порыв, хотя бы только казаков Дона, Кубани и Терека за весенние и летние месяцы 1918 г., он принужден был с удивлением констатировать, что в это время широкие просторы земель от северных границ Дона до вершин Кавказских гор, от Азовского до Каспийского моря были покрыты почти исключительно казачьими войсками.

А в это самое время русские большевики при помощи русских генералов и рядовых офицеров организовали русскую красную армию, которая, по свидетельству Деникина, возросла к ноябрю месяцу 1918 г. до 500 тысяч человек, а к 1 января 1918 года до 800 тысяч человек. Возрождалась регулярная русская армия усилиями русских людей. Разрешая свои внутренние классовые и социальные вопросы, уничтожая класс помещиков и капиталистов, ведя внутреннюю борьбу за власть, все русские люди объединялись в одном в желании снова завоевать восставших против русского красного владычества.

(Продолжение следует).

А. Ленивов.

Терское Войско.

(Исторический очерк).

Терское казачье Войско принадлежит к числу старейших казачьих Войск. Согласно официальному летоисчислению, годом старшинства для Терского Войска, является 1577 год, определяющий собой начало существования Кизляр-Гребенского полка. Невзирая на последнее, является вполне ошибочным полагать, что дата 1577 года, есть момент образования Терского казачьего Войска, ибо необходимо принимать во внимание чрезвычайную сложность образования и формирования всего Терского Казачества. Следует помнить о том, что современное нам Терское казачье Войско составилось из слияния Войск — Аграханского (служилого), Волгского, Гребенского, Терского Низового, Терского Кизлярского, Терского Семейного и полков — Владикавказского, Горского, Сунженского, Моздокского.

1. Гребенское Войско.

Старейшими казаками в составе Терского казачьего Войска являются Гребенские казаки, коим и принадлежит честь быть родоначальниками Терского Казачества.

По вопросу о происхождении Гребенских казаков официальные российские историки утверждают о том, что т. н. Рязанские казаки основали Гребенское Войско. Российские историки проводят мысль о том, что перед своим переселением на Кавказ, т. н. Рязанские казаки занимали земли на южных окраинах Рязанского княжества. Отказавшись подчиниться Московской власти о переселении в Суздальскую землю, т. н. Рязанские казаки, забрав свои семьи и посильный скраб, спустились вниз по р. Дону, примерно до высоты ны-

нешнего хут. Калича, а оттуда, перейдя на Волгу, пришли к Каспийскому морю. Появившись на Тереке, т. н. Рязанские казаки осели по правому берегу р. Сунжи и основали пять укрепленных городов — Кордюковский, Ново-Гладковский, Старо-Гладковский, Червленый и Шадринский. Следуя этой тенденциозной версии, утверждают, что наименование — Гребенские казаки — установлено последними в силу расположения городков последних на гребнях Сунженского хребта!..

На первый взгляд все кажется естественным и правдоподобным по указанной „теории“, которую мы, однако, склонны рассматривать весьма ошибочной (а может быть и намеренно ошибочной). Мало того, делая определенные ссылки и подкрепляя их несомненными документальными данными, имеющими исключительную историческую ценность, мы утверждаем категорическим образом о том, что основоположниками Гребенского Войска являются казаки — выходцы с Дона!

„Там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовомии казаки, в радости срастающая его со светлыми иконами и со кресты, поздравляющие ему о избавлении своем от супостатов и, приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквах своих“ — такова запись во вкладной книге к Гребенской иконе Божией Матери, хранившейся в часовне на Лубянке в гор. Москве. Исторически известно, что икона эта была подарена вел. кн. Дмитрию Иоанновичу в день Куликовской битвы, имевшей место на берегу р. Непрядвы (впадает в р. Дон) в день 8 августа 1380 года.

К нашему времени сохранился и другой драгоценный исторический документ, именно: „Книга глаголемая Большой Чертеж“, т. е. старинный географический атлас с соответствующим объяснительным текстом. В оной книге можно читать следующее — „Р. Донец. Ниже Святых Гор, с крымской стороны впал р. Тор, от Святых Гор в 15 вер. от него р. Торец. Ниже Тора, в 30 вер. от него р. Бахмутовка, в 15 вер. от него перевоз Боровской, от него в 2 вер. Белый Колодезь (речка), а после другой Белый Колодезь (речка), а выше него Савин. От другого Белого Колодезя в 88 вер. р. Лугань, а от нее в 5 вер. р. Луганчик, в 5 вер. от него Сизые горы. В 8 вер. от Белого Колодезя р. Каменная, 5 вер. от нее р. Каменка, ниже Лихой Колодезь (речка), под ними ниже Гребенные горы...“ Учитывая приводимые данные, попытаемся установить, существует ли и какая связь между а. Гребенская икона Божией Матери, б. Гребенные горы (в бассейне р. р. Донца и Дона) и в. Гребенское Казачество.

Итак, факт поднесения Гребенской иконы Божией Матери вел. кн. Дмитрию Иоанновичу — несомненен, весь вопрос заключается в том, кто поднес эту икону! Исчерпывающим ответом в последнем отношении есть, то, что икону поднесли казаки, обитавшие на территории Дона, которые, однако, не поименованы Донскими казаками... Почему? Не потому-ли, что в те времена (XIV ст.) не существовало еще обобщающего названия (Донские казаки), как прямое следствие разобщенности отдельных групп (общин) казаков. И если-бы подобный довод мог являть собой аргумент в конкретной форме, то тогда, несомненно, будет иметь право гражданства и то, что значительная казачья община, располагавшаяся в бассейне р. Донца у Гребенных гор, носила имя Гребенских казаков.

Считая необходимым отметить, что местность в районе р. Дона, где пролегают Гребенные горы, носит исключительно степной, равнинный характер. Уже по одному этому признаку, именно наличию оных гребней (гор) в степном районе, следует, что слово „гребень — гребня“ могло стать употребительным и в обиходном просторечьи и утвердиться за жившими там казаками. Устанавливая созвучие в словах — Гребенская икона Божией Матери и Гребенные горы в районе р. Донца, учитывая вместе с тем и единство по времени (XIV ст.), можем считать что икона та была поднесена именно казаками, жившими у Гребенных гор, которые и могли называться Гребенскими казаками.

Исследуя далее вопрос об образовании Гребенского Казачества, указываем, что немец Герберштейн по-

бывавший на Кавказе в 30-х годах XVI ст., отмечает наличие среди Кавкассских горцев племени, говорившего и совершавшего свои богослужбы на славянском языке (не о Гребенских-ли казаках идет речь?)

В последующий период истории, когда Подонье было разгромлено татарскими полчищами Мамай, Тамерлана и Тохтамыша, Гребенские казаки нашли спасение среди народов Кавказа (аланы, черкасы). В легендах горцев Северного Кавказа говорится о том, что „предки Гребенцев вышли из казачьих степей на Терек, а оттуда уже передвинулись в район Кумы“. Обосновавшись на Тереке, Гребенские казаки упрочили свое положение, численно усилились и обрели стройную войсковую организацию.

Возможно-ли серьезно думать о том, что т. н. Рязанские казаки, если-бы они и в действительности переселились на Терек в первой половине XVI ст., могли-бы уже создать настолько сильную войсковую организацию, что могли-бы еще принимать участие и во внешних войнах, примерно в покорении Казани (1552 г.)... С этой точки зрения, официальная российская теория не выдерживает никакой критики.

Нелишним будет отметить, что в образовательном процессе Гребенского Войска приняли участие и эмигранты из Новгорода Великого (в период 1471-1478 г.г.), бежавшие частью на Терек после разгрома московскими войсками. Так, до последнего времени в числе прочих войсковых знамен Терского казачьего Войска, сохранились и новгородские знамена с гербом „медведь сидящий в кресле“...

„В Терек впадает с левой стороны р. Ардак, от верху Терека до Ардака 170 вер. в 20 вер. ниже р. Агер, в 20 вер. ниже впадает р. Юрюк, 20 вер. ниже р. Казык. От р. Кабарды до р. Белой. В Белую впаля р. Черем, ниже ее р. Баксан меньший, от нее 20 вер. ниже Баксан большой, в 20 вер. Баксан средний, в 20 вер. р. Балк, все 4 реки слились в одно место и потекла р. Балауз. А по тем рекам земля пятигорских черкас. А притоку тех рек с верху до р. Терека 90 вер.

Ниже Белой с правой стороны впаля р. Курпа, ниже кладезь Гремучий, ниже р. Сунжа. А в Сунжу впаля р. Белая и Быстрая. Против устья Сунжи острог. Здесь живут Гребенские казаки. (Из „Книги глаголемая Большой Чертеж“).

Поселившись по предгорьям Сунженского хребта, Гребенские казаки основали по правому берегу р. Сунжи пять станиц (городков) — Кордюковскую, Ново-Гладковскую, Старо-Гладковскую, Черленную и Шадринскую. Местоположение первых городков Гребенских казаков, являлось чрезвычайно удобным, ибо они находились на скрещении торговых караванных путей в Индию и Персию.

С первых-же дней своего появления на Тереке, Гребенские казаки установили добрососедские отношения с кабардинцами. Последние, будучи христианами, вели непрерывную вооруженную борьбу за право сохранения своей самостоятельности от посягательств горцев Дагестана и закубанских татар.

Кабардинцы, ища помощи в борьбе против своих врагов, приняли в 1555 году подданство Московского государства, полагая, что царь Иван IV, женатый шестым браком на дочери кабардинского князя Темрюка, даст им защиту. И действительно, уже в 1559 году московские войска появились в Кабарде и на Тереке, начав борьбу против Шевкала (Шамхала) Тарковского, властителя Дагестана. В 1577 году на Терек прибыл из Москвы воевода Лук'ян Новосильцев, который и построил укрепленный городок при впадении р. Сунжи в р. Терек, названный им „Терки“, более известный у Гребенских казаков под прозвищем „Усть-Сунжа“.

Оказывая помощь Кабарде, Москва тем самым приобретала в лице последней весьма надежного союзника против Дагестана, а далее и Персии. Одновременно с этим, закреплялось владычество Москвы на Кавказе в Терском районе, где московские воеводы проявляли недвусмысленные намерения прибрать к своим рукам и Гребенское Войско. Необходимо помнить, что первоначально в кр. Терки был введен московский гарнизон (стрельцы), причем крепость была снабжена и артиллерией.

Однако не все обошлось так гладко и московский гарнизон обязан был оставить кр. Терки, согласно договору московских дипломатов с турецким султаном. Далее, горцы Дагестана оказав сильное сопротивление московским отрядам, заставили их уйти с территории нагорного Кавказа, каковым обстоятельством на долгие времена был подорван престиж Москвы в глазах горских народов Кавказа. Одновременно и Гребенские казаки упорно отстаивали право своего самостоятельного существования перед натиском Москвы.

В дни Русской смуты (1600-1612) Гребенские казаки принимали участие на стороне Дмитрия, а затем и Заруцкого. Во время восстания кн. Шаховского в Путивле в пользу „ожившего“ царевича Дмитрия, явились к крепости Царев-Борисов (на границе Дона) и Гребенские казаки „с царевичем Петром“, по их утверждению сыном царя Федора.

В 1688 и 1692 г. г. на Тереке появилась Донская религиозно-политическая эмиграция в числе 2000 донских казаков, ушедших с Дона под давлением Москвы. Соседями донских казаков, осевших на р. Аграхани (одним из рукавов р. Сулака), явились с одной стороны Гребенские казаки, с другой Кавказские горцы. В лице первых донцы встретили полное сочувствие, в лице же последних (горцев), через небольшой промежуток времени они приобрели себе заклятых врагов, вследствие агитации московских агентов на местах.

Донские казаки эмигранты, создав Аграханское вольное Войско, но все время своего пребывания на р. Аграхани, сохраняли свое войсковое устройство, имели выборного Войскового Атамана, Войсковой Круг и т. д. Обосновавшись на р. Аграхани, Доно-Аграханские казаки не прерывали связи с Доном, засылая туда постоянно „подметные“ письма с приглашением Донских казаков к себе на р. Аграхань и Куму. В 1692 г. значительная группа (свыше 1000 чел.) донских казаков раскольников, оставив родную землю, ушла на р. Аграхань и Куму, где и влилась в состав Аграханского вольного Войска.

Приход новой эмиграции толкнул Аграханских казаков на активное выступление против старого Донского Войска. В 1693 году большой конный отряд Аграханских казаков, снаряженный при тайной поддержке Гребенских казаков, совершил громадный по своей дальности переход из Сулакского района на Дон, сделал нападения на казачьи городки по течению среднего Дона и отчасти их разорил, причем особенно плохо пришлось старшине.

Набег Аграханских казаков на Дон вызвал репрессии со стороны Москвы, пославшей на Терек многочисленные войска для уничтожения Аграханского Войска. Подобное обстоятельство, а также взаимоотношения с Кавказскими горцами, заставили Аграханских казаков покинуть насиженные места и перебраться вглубь кабардинских владений. Впоследствии часть Аграханских казаков примкнула к Гребенским казакам и переселилась с ними из-за Сунжи на левый берег р. Терека.

Московские воеводы, находившиеся на Тереке, доносили в Москву „если казаков по Тереку и в Гребнях не будет, то терекскому городу (Новые Терки на р. Тюмени) будет большая теснота“. Петр I круто повернул систему отношений к Гребенским казакам сделав многое, чтобы привлечь последних на свою сторону. Гребенские казаки при нем (в 1712 году) переселились из-за р. Сунжи на левый берег р. Терека, где и поставили Черленный городок выше устья р. Сунжи, а остальные (Кордюковский, Ново-Гладковский, Старо-Гладковский, Щадринский) на протяжении 80 верст вниз по р. Тереку.

В 1721 году Петр I сделал Гребенское Войско автономной провинцией Российского государства, как и многие другие казачьи Войска.

Говоря о войнах и походах, в коих участвовали Гребенские казаки, нельзя не отметить похода Гребенских казаков через Хиву и Бухару в Индию. Указываемое событие относится к 1717 году, когда князь Бекович-Черкасский по приказанию Петра I набрал отряд из 500 Гребенских и 300 Терских казаков для отыскания дороги в Индию, а попутно и гор. Иркета, где, по слухам, находилось много золотой руды в земле. Кн.

Бекович-Черкасский начал поход в Индию от Гурьева городка, где к нему примкнули и Яицкие казаки в сравнительно большом составе. Поход, протекавший вначале благополучно, в конечном итоге закончился полной гибелью казачьего отряда в бою с хивинцами в 130 вер. от Хивы. Обрато на Терек возвратилось из похода всего лишь 2 Гребенских казака...

Постоянное урезывание казачьих прав, толкало помыслы и желания Гребенских казаков даже к отделению от России. 1774 году Войсковой Атаман Гребенского Войска Петр Иванов начал переговоры с этой целью с Казы-Гиреем — Султаном одновременно подготавливая почву и в Великом Войске Кубанском, в состав коего Гребенские казаки намеревались войти. Об этих переговорах узнал генерал Меден, который и донес в Петербург, вслед за чем Екатерина II приказала арестовать вожakov гребенских казаков „замешанных в необыкновенном устремлении отойти от Российской империи“.

Обращение Гребенского вольного казачьего Войска в „служилое казачье войско“, стало свершившимся фактом с образованием Кавказской линии, в частности с появлением на Кавказе генерала Ермолова в качестве командира Кавказского корпуса. В 1832 г. казачье народное право было окончательно „низвержено“ и в Гребенском Войске появился первый наказный Атаман по назначению из Петербурга. Далее наступил Петербургский период истории и для Гребенского Казачества!..

II. Терское Низовое Войско.

Образование Терского Низового Войска относится к началу 90-х годов XVI ст. Круг составленный из Донских, Яицких, Волжских и Гребенских казаков (повествуется былина-сказ о Ермаке), принял решение „идти завоевывать Сибирь“, выбрав своим Атаманом Ермака Тимофеевича. Большая часть Поволжской казачьей волницы подчинившись решению Круга, покинула р. Волгу и ушла в Пермский край (на Сибирь), меньшая-же часть продолжала еще некоторое время оставаться на р. Волге. В 1581 г. остатки Поволжской казачьей волницы под водительством ватажного атамана Андрея Неча учинят вторичный разгром гор. Сарайчика и уже на сей раз окончательно утвердятся в нем. Некоторую часть Поволжской казачьей волницы уводит с собой на Терек другой ватажный атаман Андрей Щадра, имея Гребенских казаков в качестве путеводителей.

Вольные казаки, обосновавшись в низовьях р. Терек, начали объединяться и постепенно образовали сильное военно-хозяйственное сообщество, организованное на началах общественного порядка. Собираясь преимущественно в районе будущих Хасов и Чиртюртовских округов, промышляя рыбной ловлей и охотой, казаки уже в 1582 году возвели в низовьях р. Терека небольшое укрепление. В 1584 г. турецкий султан впервые обратился с жалобой к Московскому царю, указав на то, что казаки причиняют ему много вреда своими набегами.

Постоянные нападения Шамкала Тарковского на укрепленный городок Терки (при слиянии рр. Терек и Сунжи), заставили московских воевод обратить свое внимание на низовье р. Терека. В 1586 году начались работы по возведению нового укрепления Тюменского (Новые Терки) на р. Тюмене, впадающей в р. Терек, что и было выполнено к первой половине 1587 года. В „Книге глаголемой Большой Чертеж“ имеется и точное описание местоположения Тюменского укрепления (Новые Терки) именно: „... вниз по р. Терек протоки его: Воспольная Быстрая ниже р. Тюменка. Из р. Тюменки вытекает р. Запольная. На устье Тюменки град Тюменский, далее протоки Быстрая, Кызла, Брянцевой“. Гарнизон Тюменского городка (Новые Терки) составлялся из Поволжской казачьей волницы, Яицких казаков, а отчасти московских стрельцов и именных жмудинов (литовцев), что в совокупности с вольными казаками в низовьях Терека и составило Терское Низовое Войско. „Предки наши наперед сего с давних пор были из разных мест и народов, как-то: Донские, Волжские казаки, грузины, поляки, черкесы, осетины, пришедшие по разному рода обстоятельствам и случайно-

стям к Каспийскому морю". Так трикуют старинные исторические акты о происхождении Терского Низового Войска, которое по характерным особенностям своего быта и самоуправления, представляет полную аналогию с Донским Войском, являясь совершенно независимой казачьей республикой. Параллельно с этим, необходимо отметить, что и Терские казаки признавали авторитет Донского Войска.

Касаясь вопроса об участии казачков Терского Низового Войска в войнах и походах Московского государства, надлежит полагать, что оное участие было делом добровольным (по соглашению), но никак не по обязанности. В частности история отмечает участие Терских казаков в походах московских Войск против Шевкала (Шамхала) Тарконского в 1590 и 1604 г.г., в отрядах воеводы Хворостинина, посланных в помощь Кахетинскому царю в 1594 г. Совместно с донцами Терские казаки дрались прогив турок под стенами Азовской крепости в 1645 г., далее участвовали в походе на Крым в 1646 г. Были в боях у гор. Чигирин в 1677 году и вторично участвовали в походах 1687—1689 г.г. на Крым и в 1695 году на Азов. В эпоху Петра I Терские казаки участвовали во всех походах, в частности в Великой Северной войне 1700—1721 г.г. и в Прутском походе от 1711 г. Боевая деятельность Терских казаков в Полтавской битве (1709 г.), была отмечена Петром I, писавшим в приказе: "Терские казаки людей турских и крымских побили, с Чигиринских гор окопы их, городки, обозы, наметы, пушки и знамена сбили, многие языки поймали, отчего визирь турецкого султана и крымский хан, видя над собой такие промыслы и поиски, от обозов отступили и пошли в свою землю."

Донские, Волжские, Яицкие казаки, составляя собой главный контингент состава Терского Низового Войска, в подавляющем своем большинстве были раскольниками. Последнее обстоятельство и играло решающую роль в определении взаимоотношений между Терскими казаками и Московским государством, которые далеко не всегда были приятными! Терский Атаман Иван Кукля, например, оказывал всяческую поддержку Аграханскому вольному казачьему Войску (Донские казаки-раскольники, ушедшие с территории Дона в 1688 и 1692 г.г.), делая им большую услугу в смысле закрепления на местах, а также и оказывая содействия в установлении добрых взаимоотношений с окружающими горцами. Настроение Терских казаков были известны и вождям "раскольничьей" (самостийной) партии на Дону — (Атаману Самойле Лаврентьеву, старшине Кирею Чюрновому и т. д.), ибо последние засылали свои "подмежные" письма — "на Терек, чтоб не слушались ни царей, ни патриархов, но крепко держались за веру старую. Аще-ли не будет на нас какой опал с Москвы, вы к нам тогда придите..."

В некоторых случаях Терские казаки не только выказывали явное неповиновение Московской власти, но и применяли вооруженную силу против последней, так было в дни Русской Смуты (1600—1612 г.г.), а рав-

но и в Разиновском движении "Атаманы и все казаки Донские, и Асграханские, и Терские, и Гребенские, и пушкари, и загонщики, и посадские люди, и гостина двора торговые люди, написали меж собой письма, что им жить в Астрахани в любви, и совете, и никого меж собой не побивать и выводить Московских бар изменников".

Москва, стремясь подчинить себе все Вольное Казачество, в том числе и Терское Низовое Войско, с концом XVII ст. повела натиск на право самостоятельного государственного бытия и Терских казаков. Учитывая всю обстановку, а равно стремясь во что бы то ни стало использовать Терское Низовое войско, как превосходную вооруженную силу для расширения государственных границ Московского государства, правители последнего применили вероломную политику в отношении Терских казаков. Имея свою далеко недостаточную вооруженную силу на далеком Тереке, Москва начала натравливать закубанских татар и горские народы Дагестана на Терское Низовое Войско. Систематическое проведение оной политики на местах, инспирируемое эмиссарами Москвы привело к тому, что между Терскими казаками и указанными народами завязалась кровавая борьба. Кабардинцы, вековые друзья Терских казаков и те изменили своей дружбой... Большую роль в этом отношении сыграло и то обстоятельство, что кабардинцы начали переходить в магометанство. Вполне естественно, что число врагов Терского Низового Войска, соответственно с последним, значительно увеличилось.

Обесиленное, обескровленное Терское Низовое Войско, потеряв почти половину своего наличного состава, являло собой печальное Зрелище к 20 годам XVIII ст. Подобное обстоятельство не ускользнуло от Петра I, который только к этому времени закончил свою кровавую расправу с Вольным Казачеством, именно Донским и Волжским Войсками, а также и Запорожской Сечью. Петр I, появившись на Тереке в 1722 году (в стремлении вести войну с Персией), решил уничтожить и вольных Терских казаков.

Согласно его повелению Терское Низовое Войско было снято с насиженных мест в низовьях р. Терека и переведено на р. Аграхань (один из рукавов р. Сулака). Совместно с этим, упразднено было и само наименование (Терское Низовое Войско), вместо чего Терские казаки стали впредь называться Аграханскими казаками (служилыми).

Независимое существование Терского Низового Войска, было прекращено "тяжелой рукой" российского императора Петра I, обратившего вольную казачью республику в провинцию Русской империи. Наружное ограничение казачьих прав и вольностей, выразилось в том, что дела Терских (Аграханских) казаков, были переданы из Иностранной в Военную коллегию, а также был ограничен свободный выбор Войсковых Атаманов и почти на нет низведена роль и значение Войскового Круга.

(Окончание следует).

Др. Э. Хара-Даван.*)

История национального вопроса.

(Из труда автора „Национальный вопрос“).

Средневековая Европа не знала национального вопроса. Его не знала Европа искусственных государств, слагавшихся по внешним политическим соображениям и переделывавшихся трактатами, завоеваниями, продажами и даже приданым, как напр. в Австрии.

Национальный вопрос поставлен и формулирован в 19 веке. Он сделался жгучим вопросом современной жизни, в особенности острым вопросом многонациональных государств, как Россия, где сталкиваются мно-

горазличные интересы населяющих ее народов. Национальный вопрос вытекает из факта признания за каждым народом права на самостоятельную историю, следовательно, и на свое государство. Этот философско-политический принцип подкрепляется выводами наук: антропологии и лингвистики, как подтверждается он и выводами мировой истории 19 и 20 века.

Человечество представляет собрание разнородных национальностей, заявляющих свое право на самостоятельное существование. Эти стремления в новое время выразились и практически осуществились в освобождении Греции, Болгарии, Сербии и Албании от Турции; в освобождении и объединении Италии; в образовании единой Германии; в освобождении и создании Чехословакии, Югославии и Великой Румынии от Австро-Венгрии;

*) От редакции: Настоящей статьей мы начинаем помещать в журнале „В.К.“ ряда отрывков из отдельных глав большого и интересного труда автора по национальному вопросу.

освобождении Финляндии, Польши, Эстонии, Литвы и Латвии от России.

Эти же стремления замечаются теперь и в других местах и у других народов Европы и Азии. Европейские государства, переживая такие катаклизмы, как войны и революции, все более принимают свободные формы и в них утверждается начало равноправности народов. В каждом, даже небольшом, народе теперь укрепляется сознание своих национальных особенностей, сознание себя, как нравственной коллективной личности среди других народов.

При таких условиях можно ли продолжать вести и далее неудавшуюся политику „единого и неделимого“ государства, исходя из узко национальных интересов и выгод одной хотя бы и „великой нации“, без внимания к национальным интересам других народов, составляющих половину государства, как в России, или во много раз превосходящих ее, как Британская Индия? Упорствовать в этом было бы отказом от путей науки и наперекор истории...

Пути истории и науки ведут к образованию одонациональных государств, как нормальной основы каждого государства, а ход мировой истории последнего века это подтверждает. Национальное сознание видит условия народного прогресса в возрождении духовных сил народа, в его самосознании и осуществлении его идеалов.

Такова была мысль Фихте, видевшего спасение Германии в народном воспитании; такова была мысль славянофилов, чаявших возрождения России; таковы же были идеи А. Градовского. Как были возвышенны, благородны и смелы идеи этого апостола национальной свободы (и Вл. Соловьева), в особенности, если мы припомним, что им пришлось развивать их во второй половине 19 в. во время реакции и полного расцвета империализма.

Вл. Соловьев дал религиозно-этическое обоснование национальной проблемы. По его идеям каждая народность представляет соборную личность, подобно отдельной личности или индивидууму. Как для развития индивидуальных способностей каждой личности, духовно-нравственной его сущности, необходима личная свобода и самостоятельность, так и культурный прогресс соборной личности народа — не мыслим без такой же его свободы и автономности, которая выражается обычно в политической независимости народа.

Через соборно-национальную индивидуальность к Вселенной Соборности Человечества. Таковы принципы Вл. Соловьева по национальному вопросу.

Этот же принцип национально-политической независимости талантливо отстаивает выдающийся историк и мыслитель XIX века А. Градовский, но его идеи следуют из гуманитарных начал общечеловеческой культуры, он ближе других подошел к правильному решению национального вопроса. Он говорил: „каждая естественная народность представляет некоторую собирательную личность, отличающуюся от других особенностями своего характера, своих нравственных и умственных качеств, а потому имеющее право на независимое существование и развитие. Национальный вопрос есть вопрос о взаимных отношениях разных национальностей и об условиях их культурного развития.“

Разнообразие национальных культур есть коренное условие правильного хода общечеловеческой цивилизации. Во имя полноты этой последней, все народы призваны к деятельности и к жизни, одинаково удаленной и от замкнутого отчуждения и от слепого подражания.

Каждая народность должна дать человечеству то,

что скрыто в силах ее духовно-нравственной природы. Народное творчество — вот последняя цель, указываемая каждому народу самой природой, цель, без которой не может быть достигнуто совершенство рода человеческого...

Право народа на самоопределение, на самостоятельное развитие, на собственную историю оставалось бы мертвой буквой, если бы осуществление его не обеспечивалось основным внешним условием — политической независимости народа.

„Для того, чтобы самобытное развитие народа в умственном, нравственном и экономическом отношении было обеспечено, этот народ должен образовать Государство, иметь свою верховную национальную власть“.

Украинские националисты (П. Драгомиров, Костомаров и Грушевский) в своих трудах в свое время защищали свободные национальные союзы в пределах России. Эти же идеи поддерживали украинские националисты в их „Украинском Вестнике“. Программа группы теоретиков и политиков украинского национального движения сводилась к следующему: перераспределение российских областей по национально-территориальному принципу, охрана прав национальных меньшинств, вкрапленных в эти национально-автономные территории, свободные национальные союзы...

Еврейские националисты (во главе с Житловским) связали разрешение национального вопроса с социалистическим переустройством общества и в связи с необходимостью непосредственной революционной борьбы рабочего класса.

Против „примитивной“ позиции пролетарского космополитизма, раздались голоса в многонациональной Австрии из рядов социалистов, а именно со стороны одного из их вождей, Отто Бауэра. Он пишет в своей книге „Национальный вопрос“ следующее: „Не стремится ли он (космополитизм) к смешению человечества в одну кучу, в которой исчезло бы всякое национальное своеобразие?“ и сам же отвечает: „Нет, об исчезновении национального своеобразия не может быть и речи, даже и в социалистическом обществе.“

„Уравнение материального содержания различных национальных культур отнюдь не означает уничтожение национальной индивидуальности. Никогда еще сознание существующего между нациями различия не было так отчетливо, как в наше время, хотя именно каждая нация учится у других наций и перенимает от них гораздо больше, чем когда либо раньше“ (О. Бауэр).

Из научных обоснований о неизменности национального типа, приведем учение Густава Лебона из его книги „Психология народов и масс“: „Виды неизменны... и вероятно различного происхождения. Основания для классификации даются психологией. Каждый народ обладает душевным строем, столь же устойчивым, как его анатомические особенности и от него то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения его верования... Психологические особенности воспроизводятся последовательно с правильностью и постоянством: этот агрегат составляет национальный характер. Эта тождественность психологической организации имеет физиологические основания. Каждый индивидуум есть продукт своей расы. Запас идей и чувств, который приносят с рождением на свет все индивидуумы одной и той же расы, образуют душу народа. Неизменные, самые общие и основные законы, управляющие общим ходом каждой цивилизации, вытекают из душевного строя рас. Потеря „национального характера ведет к упадку и разложению нации, потере ее цивилизации“.

— В болгарской газете „Мир“ (София), в номере 9837 от 26 апреля, напечатана статья г. редактора П. под названием „Вольное Казачество“, в основу которой легла наша редакционная статья на болгарском языке в № 120 „В. К.“.

— В украинской газете „Маньжурский Вистник“, в номере от 8 апреля, напечатана информационная статья (редакционная) о Казачестве, главным образом — Кубанском.

Чужинец.

Организации казачьей молодежи и движение на Дону, на Кубани и на Тереке в 1876—1878 г. г.

„Хождение“ молодежи в народ в 1874 г. кончилось грандиозным разгромом революционеров. По официальным данным министерства юстиции изысканиям подверглись 1054 чел. Из них уроженцев Земли Войска Донского было 27 чел. или 2,5% общего числа наказанных. Из этих 27 ч. — 18 чел. были преданы суду, 9 ч. отданы (после долгого предварительного заключения) под надзор полиции. Сюда надо было бы добавить пострадавших казаков других войск, и процент казаков, участвовавших в движении 1874 г. значительно возрос-бы.¹⁾ Однако, все же, процент казачьего участия в движении был ниже соответственного процента казачьего элемента в населении Империи. Интересно заметить высокий процент смертности среди казаков, посаженных в тюрьму: они плохо выносили лишение свободы, да еще в той нарочито тяжелой форме, в какой оно было применено к революционной молодежи 70-х гг. Умершие в предварительном заключении не были, повидому, включены в казенную статистику.

Как мы знаем, два урока были вынесены революционерами из неудачи 1874-го года: 1) летучую пропаганду надо было заменить знакомством с нуждами народа в каждой данной местности и борьбой за реальные местные интересы, для чего надо было „поселиться в народе“; 2) отдельные кружки должны были слиться, если не в единую большую партию, то, во всяком случае, в крупные партийные организации. Мы увидим далее, что революционеры приложили, в период 1876—1879 г. г., большие усилия для создания „поселений“ в народе, в частности в казачьих землях; и что крупная партия была создана в 1876 г. в лице „Земли и Воли“, просуществовавшей до авг. 1879 г. В этот период туман социалистически-романтического казачофильства начал проявляться, реальное прошлое вольного казачества стало более отчетливым и, вместо проповеди смеси из западно-европейского социализма с с разино-пугачевским бунтарством, были сделаны попытки прийти на помощь реальному казачеству в его борьбе за остатки его исторических прав, как на Дону, так и на Урале.

Из видных революционеров-донцов 1875 года отметим казака ст. Етеревской, сына урядника А. И. Медведева, студ. Харьковского унив. Сосланный в Шенкурск за распространение революционных книг, он бежал 16 ноября 1878 г. в Ростов, где работал в сапожной мастерской, устроенной революционерами. В Петербурге он вошел в донской кружок М. Р. Попова.²⁾

В апреле 1875 г. были арестованы в Харькове три донца, студенты Ветеринар. Института, казак Мир. Лазурин и сыновья священников Георгий Платонов и П. Мануйлов. По высочайшему повелению 19 февр. 1876 г., в административном порядке, все трое за организацию столярной мастерской и хранение запрещенных книг были высланы на родину под надзор полиции — последние два — негласный, а первый, „за крайне вредное направление“, под гласный.

Уроженцем Дона был и б. студ. Петровской Земледельческой Академии Вас. Донецкий, который был арестован 27 ноября 1873 г. при возвращении из-за границы с 200 экз. прокламаций „К русским революционерам“, 20 сент. 1875 г. Сенат приговорил его к 5 годам каторжных работ. В тюрьме он сошел с ума.

К 1874—76 г. г. относится возникновение и деятельность в Ростове на Дону местного отдела Южно-Русского Рабочего. Союза, основанного в 1872 г. в Одессе

Заславским. В конце 1874 г. два члена одесского Союза А. Эрманов и Ст. Федоров выехали в Ростов, куда в мае 1875 г. приехал и Н. Б. Наддачин. Эти три лица, вместе с рабочими Сикачиным, Крупским и Дорошенко организовали союз среди рабочих железнодорожных мастерских Владикавказ. жел. дороги, завода Фронштейна, мельницы Посохова и др. После обысков в январе и феврале 1876 г. Союз был ликвидирован. Члены понесли административные наказания, кроме Наддачина, который судился Сенатом по делу (одесского) Южно-Русского Союза и за хранение запрещенных книг был приговорен к 3 мес. тюрьмы.³⁾ Среди книг, распространенных Союзом, был и „Емелка Пугачев“.

В июле 1875 г. у казака ст. Аксайской А. Соколова, кочегара на пароходе „Салгир“, на Азовском море, была отобрана запрещенная литература, присланная ему из Одессы А. Бутовской.

В 1876 г. нашумело на Дону дело бр. Зубриловых, дворян, казаков станицы Михайловской Хоперского округа. По доносу двор. Захарова, соседа по хутору бр. Зубриловых, следившего за ними и за проживавшими у них гостями, 1 апр. 1876 г. разразились аресты, охватившие не только всех, носивших фамилию Зубриловых, но и их друзей, знакомых, рабочих, прислугу и т. п. Обыски и аресты шли не только в Хоперском округе Области Войска Донского, но и в Новохоперском уезде Воронежской губернии, в местности — надо заметить — отрезанной при Петре I-м после булавинского восстания от Земли Донских Казаков.

Было открыто (следствие тянулось три года), что студ. Москов. универс. Василий Петрович Зубрилов; б. студент Харьков. Ветеринарн. Инст., дворянин П. Ив. Мозговой; окончивший духовную семинарию Андрей Дубровин; крестьянин Вл. Муранов; студ. Петров. Землед. Академии Михаил Зубрилов заседатель Хопер. окр., хорунжий Павел Зубрилов и его жена Любовь организовали кружок под названием: „Наши“ для пропаганды, как среди населения Хоперского округа, так и соседнего Новохоперского уезда. При обыске у главных обвиняемых было найдено много запрещенных книг и брошюр (в частности о Разине и Пугачеве). Интересно отметить, что Мозговой еще в 1874 г. приехал из Харькова в Новочеркасск и здесь для сокрытия своей революционной работы, поступил на службу в Донскую духовную консисторию, а в конце 1874 г. поступил сельским писарем в дер. Кардановку. Дубровин стал учителем на хуторе Александровском, Хопер. окр.

Названные выше лица судились в апреле—мае 1879 г. Харьковской судебной палатой в станице Урюпинской. Каторжные работы на 4 г. были даны В. Зубрилову, Мозговому и Дубровину. Любопытно отметить, что Вас. Зубрилов вернулся на родину из Сибири лишь в 1897 г. (через 21 г. после ареста). Еще через 20 лет, в 1917 г., проживая одиноко на своем хуторе, этот донской народоловец был убит крестьянами соседней слободы, как „буржуй“ и помещик(!). Муранов приговорен был к ссылке на поселение; супруги Павел и Любовь Зубриловы получили по 4 мес. тюрьмы без зачета предварительного заключения (в 3 года). Наконец, Мих. Зубрилов, при рукоплесканиях публики, впущенной в зал суда лишь для выслушания приговора, был оправдан.

Целый ряд лиц понес наказания в административном порядке. Подверглись обыску за переписку с Зубриловыми: присяжный поверенный Ст. В. Кунделек и отставной сотник Вас. Еф. Чернов в Новочеркасске; сотник Ив. Ал. Чернецов на хуторе Черкасского округа; в ст. Урюпинской — сын священника Ал. Рождественский; казак, студ. Москов. унив. Пав. Рудаков, привлеченный уже в 1872 г. в Москве по делу об образовании кружка для распространения книг социалисти-

¹⁾ См. цифры в казенных отчетах, перепечатанных в 38 т. „Кат. и Ссылки“.

²⁾ Он принимал участие в общероссийском движении, был арестуем, высылаем и лишь в конце 1883 г. освобожден. В 1901 г. он был подполковником генер. штаба, а затем профессором Николаевской Военной Академии.

³⁾ „Гос. преступл.“, т. II; „Южно-русс. раб. Союзы“, с. 78—81; „Вперед“, т. V, отд. 2 с. 149, 153.

ческого содержания; в Новохоперском уезде: уездный учитель Ив. Якинчиц, волостной писарь с. Кардашевки П. Морозов, в деревне Кардешловке: Фед. Сурков, Ант. Сурагонов, Ан. Чертков — волостной писарь, друг Мозгового; в дер. Пески — крестьянка Анна Чередникова. Были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых, но по высоч. повелению 29 ноября 1878, дело о них прекращено — следующие лица: студент Мед.-Хирург. Акад. П. Вознесенский и Ст. Бельский; студ. Петр.-Разумов. Академии С. Альбицкий; П. Лоштин; сел. учитель, б. становой пристав И. Ливенцов. Запрещенные книги были найдены у следующих лиц: у казака студента Мед.-Хир. Акад. Ив. Щучкина (за недостатком улики подвергнут лишь надзору); у соседа Зубриловых донского крестьянина Хмырова, знакомого с В. Зубриловым и Дядиным; у кузнеца слоб. Александровки Хопер. окр. Викт. Панченко; у дочери чиновника А. Солодиловой (дело прекращено); у дочери сотника Над. Болдыревой, в Петербурге, причем оказалось, что ее снабжал запрещенной литературой студ. Киев. унив. Кандауров, а просил ее о присылке книг на Дон сын есаула П. Гайдуков (Гайдуков и Болдырева получили в 1878 г. „строгий надзор полиции с воспрещением отлучек“).

Административно были наказаны (после 2-х лет тюрьмы!) жена Мозгового, Агафья (надзор полиции за содействие мужу) и крестьяне, получившие от нее запрещенные книги: Сем. Редкозубов (месяц ареста и надзор) и Т. Горностаев.

Отставной поручик Феодосийского полка Ф. Дядин жил на хуторе Зубриловых; за это он просидел 2 года и 29 ноября 1878 г., получил отдачу под надзор полиции (за близкие сношения и недонесение). Та же судьба постигла сотн. Пав. Красностанова („за сношения с З., хранение и распространение запрещенных книг“). Студент Разумовской Земледельческой Акад. А. Т. Эдемский, проживший некоторое время у Зубриловых, „за близкие сношения с ними, знание о их преступной деятельности и содействие“, был арестован в Москве и сослан в Мезень (Арханг. губ.). 12 мая 1876 г. был арестован родственник Зубриловых, младший писарь л.-гв. Драгунского полка Ил. Закусин и после 2½ лет тюрьмы сослан в Холмогоры „за содействие Зубриловым“, а больше за родство. В Воронеже был арестован 20 июня 1876 г. и в ноябре 1876 г. в административном порядке получил 2 недели ареста, надзор полиции и воспрещение педагогической деятельности „горный поселенин Земли Войска Донского“, сельский учитель Гр. Матвеев. „За близкие отношения“, после 2½ л. тюрьмы получил три месяца тюрьмы, гласный надзор и запрещение занимать должности по сельскому и волостному управлению Алешковский волостной писарь Арк. Пономарев. Тоже наказание присуждено было III-м Огделением и кр. Коровкину за знакомство с Зубрилиными и пропаганду среди рабочих на заводе купца Сергеева. Даже работник и кучер Зубрилиных просидели по 2½ года и получили один — „гласный“, другой „строгий“ надзор полиции.

Как мы видим, во первых, бр. Зубриловы осуществили одни из первых т. н. „поселение“ в народе тем более естественное, что они сами жили в родном гнезде, во вторых, этому донскому „поселению“ правительство придало чрезвычайное значение (было арестовано до сотни лиц!) и жестоко покарало „виновных“, в третьих, пропаганда Зубриловых, коснувшись главным образом, донского и воронежского крестьянства и в меньшей мере казачества,

Осенью 1876 г. в Петербурге создавалась довольно значительная по числу членов „Северная революционная народническая группа“, поставившая своей целью передачу всей земли народу, разделение Российской Империи на части соответственно местным желаниям и полное самоуправление общин.

Для подготовки переворота намечались агитация (организация революционных сил и развитие революционных чувств) и дезорганизация государства. Группа желала слиться на местах с существующими уже организациями революционного характера и сплотить раз-

розненных вожakov сельского „мира“ (общины).⁴⁾

В январе 1877 г. к „группе“ примкнули харьковорогостовский кружок и создалась та организация, которая с 1878 г. приняла наименование „Земли и Воли“. Программа партии „Земля и Воля“ повторяла в развитой форме приведенную выше программу „Северной Группы“. В ней содержались указания на конечный идеал — анархизм и коллективизм, на веру в „социалистичность“ коренных черт характера русского народа; к числу ближайших требований добавлена была „полнейшая свобода исповеданий“.

К числу очень интересных пунктов программы надо отнести пункт 4-й: „в состав теперешней „Российской Империи“ входят такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы напр.: Малороссия, Польша, Кавказ и проч. Следовательно, наша обязанность — содействовать разделению теперешней Российской Империи на части соответственно местным желаниям.“⁵⁾ Хотя в числе местностей, стремившихся к обособлению, землевольцы и не помянули казачьих краев (Дона, Яика), но их взгляд на сепаратизм был также ясен, как и Бакуннина. Как мы увидим далее прямо к казачеству отнеслись слова программы „Земли и Воли“:

„Таким образом, „Земля и Воля“, служившая девизом стольких народных движений, служившая принципом организации при заселениях тех наших окраин, куда еще не проникало влияние современного этим заселениям русского правительства, — эта формула, по нашему мнению, и теперь служит наилучшим выражением народных взглядов на владения землею и устройство своего общежития“.

Действительно в программной статье № 1-го „Земли и Воли“ вышедшего 25 окт. 1878 г., С. Кравчинский писал:

„Во все времена, где бы и в каких бы размерах не поднимался русский народ, он требовал Земли и Воли. „Земли, как общего достоинства тех, кто на ней работает, и Воли — как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.“

„Огняте земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение „казачьих кругов“, т. е. вольных автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли — такова была всегда неизменная „программа“ народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников“...⁶⁾ Итак, идеалом „Земли и Воли“ провозглашалось оказание крестьянской России.

Тот же Кравчинский в своей передовице напоминал, что каждая местность и каждая народность имеют свою индивидуальную физиономию, и сообразно с нею должны изменяться способы действий (революционеров) в каждой из них“.

Мысли Кравчинского отражали общее мнение землевольцев. Первое же революционное выступление „Земли и Воли“ (демонстрация 6 дек. 1876 г. на Казанской площади в Петербурге) подтвердило наличность казакофильских увлечений у землевольцев. Плеханов, выступивший на демонстрации с речью, говорил об интеллигенции, борющейся за народное дело, от декабристов до Чернышевского: „они стояли и стоят за то же народное дело; я говорю народное, — сказал Плеханов, потому что оно начато было самим народом... Вспомните Разина, Пугачева!“...⁷⁾

Через 2 года, в корреспонденции из Каменской станицы в № 2 „Земли и Воли“, Плеханов писал: „вся русская история представляет ничто иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями, общины и личности. Борьба эта тянется крас-

⁴⁾ Программа 1876-77 г., „Архив „Земли и Воли“, 1932, с. 53.

⁵⁾ Окончательная программа. См.: Арх. „З. и В.“, 1932, с. 58-59. Интересно, что в первоначальном проекте говорилось лишь: „мы не должны препятствовать разделению (с. 55).“

⁶⁾ „Революц. журналистика 70-х г. г., 1905, с. 121.

⁷⁾ „Вперед“, № 48, 31 дек. 1876, с. 793.

ною нитью через все 1000-летнее существование русского государства, принимает самые различные формы — от восстания Стеньки и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Ему казалось, что „эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами“ не прекращалась до 1878 г. Пример этой борьбы он увидел в казачьих волнениях 1878 г. на Дону*).

Передовую статью в третьем номере „Земли и Воли“ (15 янв. 1879 г.) пришлось писать Плеханову. Защищая общину от нападок, он ссылаясь „на донских казаков, у которых земля находится во владении отдельных общин, но каждый член их считается вместе с тем членом всей казачьей области; поэтому он может переходить из общины в общину, в каждой из них имея право на надел (?). И такая земельная и областная федерация общин мыслима в любой стране, — утверждал Плеханов, — где общинный принцип не искажен противоположными ему влияниями“. Трудно представить себе большую идеализацию (!) социальной организации исторического казачества. Плеханов полагал, что из начал западного социализма одно — коллективизм владения — составляло у нас существующий факт, другое — коллективизм труда — не имело под собою почвы в технике русского земледелия. „Таким образом, — торжествуя восклицал Плеханов, — мы a-priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавын, Разин, Пугачев и др.

„Мы пришли к „Земле и Воле“...“)

Плеханов не был одинок в своем народническом казачофильстве. Д. А. Клеменц в том же номере „Земли и Воли“ (№ 3), в статье „Новый оппонент“ нападал на легальный журнал „Вестник Европы“, который издевался над увлечением „казачьими кругами“, проявленными революционерами. „Очевидно, — писал, Клеменц, — автор (внутреннего обозрения в „В. Евр.“) составил себе представление о казаках по французским романам; ему дела нет до того, что казачий круг — народное собрание, имеющее власть безапелляционно решать свои внутренние дела, судить, выбирать и сменять своих должностных лиц, то есть самая широкая форма местного самоуправления“¹⁰⁾

⁸⁾ „Земля и Воля“ № 2, 15 дек. 1878, „Револ. журн.“, 1905, с. 207.

⁹⁾ „Рев. журн.“, с. 249, 254.

¹⁰⁾ „Рев. журн.“, с. 283—285.

Нельзя не заметить, что при всем их казачолюбии и Плеханов, и Клеменц, не замечали, что бывой казачий круг был народным собранием казачьего государства, что федерация казачьих общин была государством, а не формой местного самоуправления.

Клеменц напоминал также, что „от современного русского государства народ наш бегал в леса, за Урал, на Дарью реку...“, что и дало повод нашим наивным народоведам превозносить колонизаторские способности русского племени. Известно также, что против этого единого русского государства, сперва Московского, потом Петербургского, он (народ) восставал с Болотниковыми, Разиными, Булавыными, Некрасовыми и Пугачевыми. Если и укрепилось современное государственное устройство на Руси, то все знают, что оно укрепилось на крови народной, что оно досталось нам ценою гибели народной культуры и областной, земельной и общинной автономии... Наконец, Клеменц пытался объяснить, в каком смысле, в „Земле и Воле“, Пугачев был назван социалистом: „он — социалист постольку, поскольку в программу его входит уничтожение крепостного права, частного землевладения и сословных привилегий“...

Таким образом, землевольцы еще настойчивее, чем их предшественники, изъявляли свои чувства преклонения перед казачеством, осуществившим — по их мнению — социализм общественного владения землями, водами и угодьями и федерацию вольных общин. Соответственно с этим, деревенские поселения революционеров были намечены „в местностях, в которых традиции протеста и борьбы еще не заглохли в массе“. „Мы — вспоминал впоследствии землевонец Аптекман, — верили и надеялись, что там, где двести и сто лет тому назад разыгрались величайшие исторические драмы народной жизни, — бунты Стеньки Разина и Пугачева, — где гуляли вольные „ушкунники“ и „ватажки“, держа в страхе угнетателей народа, где вольное казачество развернуло и развило в полном блеске свои свободные формы жизни, выработало и создало свои исконные устои, что там нам удастся создать в народе революционную рать“¹¹⁾. Поэтому общество „Земля и Воля“ весной 1877 г. мобилизовало своих членов для создания „поселений“ в Поволжье и на Дону.

(Окончание следует).

¹¹⁾ Аптекман, с. 260, 200.

Аяс Исхаки.

Идель-Урал.*)

Тюркский народ, как организованный в государственную форму, исторически нам известен за 200 лет до рождения Христа. В это время населенным центром этого народа были окрестности озера Байкала, но его кочевые элементы доходили до Великой Китайской Стены и до Волги. Исторические данные об этом периоде сохранились только в китайских летописях. Из мало-разработанного этого материала нам известно, что тюрки в это время имели свое государство, свою культуру и свою письменность, но документов тюркской письменности этого периода до сих пор найдено не было.

Самый древний письменный документ, это — так называемые „Орхунские Памятники“ VII-го века по Р. Х. Они написаны национальным тюркским алфавитом. Язык их, несмотря на то, что уже прошло несколько веков, очень близок современному наречию казанских татар. После этого времени, т. е. после VII-го века, уже имеется много документов. Из недавно найденного турецко-арабского словаря**) видно, что и тогда уже

тюркский язык имел два наречия, отличающихся друг от друга главным образом в спряжении глаголов. С тех пор эти различия углубились и получилось два отдельных наречия. В литературе они называются южным и северным наречием, но общность грамматики, синтаксиса и общность корней мешало обоим наречиям превратиться в самостоятельные языки, как польский и русский или эстонский и финский.

Тюрки жили отдельными племенами и управлялись родоначальниками, которые в свою очередь подчинялись верховному вождю всех народов и племен Кахану (повелителю). Отдельные племена часто создавали отдельные ханства и воевали друг с другом. Иногда какой нибудь — полководец собирал их в одно государство. История знает несколько таких тюркских империй. В средние века в начале 12-го столетия Чингиз-Хан (1154—1227) соединил все тюркские племена в одно управление и создал могучую тюркскую империю, но и она долго не существовала и разделилась на три группы: а) Кипчак (Поволжье), б) Чагтай (Туркестан) и в) Сельджуки (Малая Азия). Войны Тамерлана (1336—1405) углубили эти розни и образовали три тюркских ханства. На Волге — Золотая Орда, в состав которой входил и болгарское ханство. Золотая Орда впослед-

*) От редакции: настоящую статью помещаем в информационном порядке.

**) „Дивани Люгат эль-тюрк“ соч Махмудель Кашгари, написан в 1147 году по Р. Х.

ствии разбивается еще на несколько ханств (Казанское, Астраханское и т. д.). Чагайская группа образует Туркестанское Ханство, которое позднее тоже разбивается на мелкие ханства. Сельджуки, а потом османы образовали турецкую империю Османов (Малая Азия и Балканы).

Как известно, волжская группа в половине 16-го века подпала под владычество Москвы и потеряла свою самостоятельность (Казань пала в 1552 г., а Астрахань — 1554 г.), но это не значит, что турки или так называемые историей татары покорились судьбе и отказались от своих национальных стремлений. Наоборот, турки ни на минуту не отказывались от возможности возрождения своей самостоятельности. С момента падения Казани (1552 г. 15 октяб. нов. ст.) до сегодняшнего дня, т. е. в течении 380 лет, татары борются за восстановление своей самостоятельности. Ряд восстаний в 17 и 18 веках, в результате которых татарам удалось два раза вернуть самостоятельность Казани, хотя бы на короткое время, являются доказательствами того, что татары никогда не отказывались и не откажутся и в будущем от своих национальных идеалов. Первые же дни русской революции 1917 г. ясно показали это. Национальное собрание тюрко-татар, созданное в 1917 г. в Уфе, проектировало создание автономного штата Идель-Урала (Идель — Волга). Быстрый рост большевизма не дал возможности привести в исполнение этот проект.

Советская власть из боязни объединения тюрко-татар, в проектированной национальным собранием области создала (но, разумеется, только на бумаге) татарскую, башкирскую и чувашскую республики и марийскую автономную область. Такое положение, как по своему внутреннему содержанию, так и по внешнему виду не может отвечать и удовлетворить требование тюрко-татарской нации, стремящейся к самостоятельному государственному существованию.

Идель-Уральская Республика, за самостоятельность которой ведет борьбу Комитет Независимости Идель-Урала, занимает пространство между рекой Волгой и Туркестаном. Таким образом Идель-Уральская республика на северо-востоке, на Востоке и на Юго-Востоке граничит с тюркскими племенами. На западе же имеет естественную границу Волгу.

Народонаселение этого богатого края в ханские времена составляли тюрко-татарские племена как-то: татары, мещеры, ногайцы, киргизы, чувашы, башкиры и группа финских племен, как например: мари, мордва, зыряне и монголы. Русский элемент очутился тут благодаря усиленной переселенческой политике русского правительства и политике конфискации под разными предлогами земель у местного населения. Несмотря на такую политику русского правительства во всем Идель-Урале до сих пор преобладает тюрко-татарское население; с финскими племенами они составляют громадное большинство. Правда, царское правительство в 19 веке сильно развило свою миссионерскую пропаганду среди финского народа и ему удалось, хотя формально, изрядное количество финского народа превратить в православие и на этом основании, по признакам религии, приписало их к русскому населению. На этом же основании перепись 1897 года по официальной статистике показала громадный рост русского населения, т. е. православного, и очень заметную убыль финского и тюрко-татарского элемента на всем Поволжье. Сам же тюрко-татарский народ, опираясь на данные своего духовного управления, где ведутся тщательные метрические записи во всех мусульманских приходах (7800 приходов) Поволжья, считает себя не менее шести с половиною миллионов, а чувашей и крещенных татар (тоже турки), зачисленных в перепись как православные русские, свыше одного миллиона. Эта цифра оправдалась при всеобщей мобилизации во время Мировой войны. Татаро-башкирских солдат оказалось 960 тысяч, при чем уклонение от воинской повинности у татар в процентном отношении превышало число таковых среди русских. Сопоставляя результаты переписи 1926 года с цифровыми данными за тот же период духовного

управления мусульман Поволжья, легко установить, что в данный момент в Идель-Урале находятся:

Тюрко-татары	7,848 мил.
Русских	4,290 „
Народы финск. и монг. плем.	3,213 „
Всего	15,351 мил.

В процентном отношении: Тюрко-татары 51%, русские 28% и народы финско-монгольск. племени 21%. Иначе говоря, тюрко-татары и фино-монголы вместе составляют 72%. Таким образом, тюрко-татар в Идель-Урале несколько не меньше процентного отношения великоруссов во всем СССР, а с финскими и монгольскими народами, вместе взятыми, не меньше, чем чехов в Чехии и румын в Румынии.

Экономическое положение Идель-Урала, в настоящее время, не представляет ничего отрадного. Там все разрушено и разграблено, но земли большевики не могли уничтожить и вот, принимая во внимание плодородность почвы (раньше она считалась одной из житниц России), следует считать, что при восстановлении там нормальных условий, восстановить хозяйство будет не трудно. Многоводные реки: Волга, Кама, Белая и др. являются хорошими и дешевыми путями сообщения и играют большую роль в развитии торговли. Уральские горы со своими бесконечными и разнообразными минеральными богатствами (золото, серебро, платина, медь, железо и каменный уголь) обещают богатую промышленность, а нефтяные источники (на склонах Уральск. гор в Уфимск. и Пермск. губ.) дают на много раз больше нефти, чем требуется для края. Так что Идель-Урал, как самостоятельная экономическая единица, имеет все шансы для самостоятельного существования, а экономическое развитие его пойдет гораздо лучше и интенсивнее, чем при старом ханском или российском режиме.

Что касается степени духовного развития тюрко-татарского населения, то при настоящих условиях его существования нельзя похвалиться его высокой технической культурой, какую мы видим у европейских народов, но при сравнении с другими народами Востока (персами, арабами и афганцами), тюрко-татары стоят весьма высоко в культурном отношении, а самое главное то, что они в своем национальном развитии идут по протертой европейской дорожке.

Насмотря на очень короткий срок (всего 50 лет) национального пробуждения татары (до большевизма) не только без поддержки правительства России, но даже помимо его желания завели у себя всеобщее начальное обучение. В 1913-14 учебном году все дети обоего пола и школьного возраста были охвачены школой. Народ создал уже и весьма здоровую, бодрую духом литературу и национальный театр. Раскрепощение женщин было совершенно уже давно.

Что касается технической подготовки управления страной, то до революции 1917 г. она была недостаточна. Русское правительство держало тюрко-татарский народ Поволжья в стороне от государственного управления и в местные самоуправления допускало только в ограниченном количестве ($\frac{1}{5}$ русских) поэтому (само собою разумеется) готового чиновничьего аппарата не было. Этот пробел уже устраняется при большевиках, вопреки их желанию. Как в Татарской республике, так и в Башкирской национализация аппаратов, при поддержке самого народа, в настоящее время идет довольно успешно.

По официальным данным советской власти, в советском татарстане в сельсоветах и волсоветах число чиновников татар 53%, в окружных (т. е. уездных и губернских) 37,8%, и только в центральных учреждениях число их ненормально, так как еще рука Москвы играет там решающую роль. Во всем государственном аппарате татары занимают 30%. Кроме того многочисленные татарские служащие разбросаны по родственным республикам как-то: Казакстан, Киргизстан, Узбекстан, Крым и даже в Азербейджане. Подготовка высоко квалифицированных работников-интеллигенции: докторов, инженеров, педагогов и т. д. тоже идет довольно успешно. В этом году (1933) число учащихся в высших учебных заведениях татар достигает 3397 чел. Специальная военная подготовка идет не хуже. В Казани та-

гаро-башкирское военное училище каждый год выпускает несколько сот красных командиров и количество офицеров татар-башкир, число которое до революции не превышало нескольких сот, в настоящее время достигает нескольких тысяч. Следовательно, техническая и умственная подготовка татар для управления страной идет вполне нормально.

Что касается самого народа, то по своей психологии он вполне государственный и очень далекий от русского фантазерства. Этот народ очень трудолюбив, бережлив, вполне трезв, о его же коммерческих способностях, думается, никто не будет спорить. Народ этот

обладает большой подвижностью, инициативой и имеет многовековую жизненную практику, так-что он вполне успешно конкурирует с европейцами и очень часто вытесняет их с рынка. Несмотря на долгие годы пребывания под русским владычеством, народ этот никогда не терял надежды на возрождение своего былого величия. Взяв при первой и малейшей возможности управления своим отечеством в свои руки, он способен в самое краткое время восстановить порядок, мир и законность, чтобы вместе с другими народами не только освободиться из под московского ига, но и самостоятельно жить далее свободным и независимым.

Думы и мысли.

Ив. Томаревский. (Болгария).

Воскресение.

День воскресшего Христа —
Радость тверди и небес.
В день сей вера нам дала
Песнь песней „Христос Воскрес“!
Будем верить-же и мы —
Воскресенье нам придет
И увидит воли дни
Наш страдающий народ.
Верьте — будет казаку
Так же чудо из чудес —
Сам Христос придет к нему,
Чтобы он в бытие воскрес!

Атаманский автономизм.

„Об'единенный Совет Дона, Кубани и Терека“ очень последователен в эволюции своей политической идеологии. Последним актом деятельности этого совета является очередное постановление атаманов против Вольно-казачьего движения.

С некоторого времени ведется в Англии политическая работа по созданию независимой Украины. Вожди этого движения утверждают, что в случае успеха их движения, им обеспечена поддержка со стороны генералов, руководителей бывш. белого движения и представителей Казачьих Земель. В ответ на это Обще-Войнским Союзом и ОСДКТ были помещены опровержения на страницах русской зарубежной печати. Особенно ярко атаманское опровержение: „С возмущением отнесаясь к агитации казачьей самостийной печати, оплачиваемой иностранцами, ОСКТ в лице Войсковых Атаманов подтверждает, что он остается верным постановлениям, вынесенным во время гражданской войны казачьими законодательными органами — Войсковыми Кругами и Радой — и, опираясь в своей настоящей деятельности на эти постановления, неизменно считали и считают казачьи края нераздельной составной частью России, которую Совет представляет в будущем как союз свободных народностей, пользующихся в своей внутренней жизни самой широкой автономией, не нарушающей крепости и единства общей великой родины“.

„Нельзя не приветствовать этого заявления и не пожелать высказанному в нем взгляду на будущую Россию самого широкого распространения и внедрения его среди народностей России“, пишет в статье „Раздел России“, П. Храбров (бывший генерал Русской смуты).

Какое умилительное единомыслие! Обще-В. Союз, Совет Атаманов и генерал Храбров. Не благодаря ли этому единодушию и единомыслию этого цвета русской реакции и казачьих генералов и была проиграна война Юго-Восточного Казачества с Советской Россией?

Со времени оставления Родимого Края прошло более 12 лет и этого времени вполне достаточно, чтобы совершить переоценку политических ценностей и про-

анализировать события от начала до конца, честно и открыто сознавшись в своих ошибках...

Преподнося в русской прессе казачьей эмиграции идею областного автономизма, составители „этого рецептика“ называют такой способ государственного устройства „союзом свободных народностей“. Если говорить только об автономии, которая дается центральной властью и только просится, но не требуется, то и будет та „единая и неделимая“, которой хотел в свое время околпачить честной народ ген. А. И. Деникин. А если говорить о союзе действительно свободных народностей, т. е. о федерации или кофедерации добровольно входящих в союз свободных народностей, — об этом образе государственного устройства, были в свое время вынесены постановления на 1 и 2 Обще-казачьем съезде в 1917 году, но из этого ничего не вышло потому, что, говоря о свободе, русская демократия желала этой свободы только для себя, а когда об этом заговорили другие народности, это было уже изменой русской революции и общему русскому делу... Когда русская революционная демократия выбросила революционный лозунг: „самоопределение вплоть до отделения“, то этот лозунг был с энтузиазмом подхвачен всеми другими революционными подголосками, а когда украинцы и грузины заговорили было только об автономии, но не об отделении, только о местной автономии (1917), правительство Керенского им в этом отказало „потому что, сейчас не время этим заниматься“.

А теперь возвратимся назад к атаманскому опровержению. Для меня не понятно, собственно, для кого это постановление делалось, для казачьей или русской эмиграции, скорее что для русской, потому что в период войны Юговосточного Казачества с Советской Россией о постановлении автономистического характера не могло быть и речи, потому что эти казачьи края в это время были суверенными государствами и вели в то время фактически не гражданскую, а внешнюю войну с соседом, который покушался на самостоятельность этих государств.

Если сейчас с „автономическими“ заявлениями выступает ОСДКТ, это — преступная деятельность тех, кто, являясь только носителем исполнительной власти, постановлениями ОСДКТ присвоили себе власть законодательную, своими постановлениями стараясь свести на нет конституции Донского, Кубанского и Терского Войск.

В продолжении всей истории Казачества определенная часть казачьей старшины, после того, как она перестала быть выборной и зависимой от контроля казачьей массы, торговала на пользу Москвы казачьими вольностями и правами для достижения своих корыстных целей (чины и звания, повышение по службе и др. материальные и моральные выгоды). Эту гнусную роль это духовно не связанная с казачеством часть казачьей старшины ведет до настоящего времени, одни по привычке, другие надеясь, что колесо фортуны повернется в другую сторону и благодетели тогда их не забудут.

Большую роль, кроме того, в этом отношении играет не происхождение, а образование, бывшее служебное положение (личные мотивы) и, вдобавок к это-

му, консерватизм старых людей, которые в настоящее время живут воспоминаниями прошлого, которые идеализируют свое прошлое как образец совершенства и в то же время очень скептически относятся к тому, что новую жизнь нужно строить на новых началах.

Следя за деятельностью ОСДКТ, мы не видим его созидательной работы, кроме верноподданических постановлений в пользу „матушки Москвы“ и непримиримой борьбы с инакомыслящими казачьими организациями. Десять лет тому назад их внутренними врагами была пражская группа кубанских самостийников и харламовская группа федералистов республиканцев. В настоящее время все внимание ОСДКТ обращено на Вольное Казачество, с которым ОСДКТ борется еще с большею яростью, не брезгая никакими средствами.

Договором от 1 января 1921 года ОСДКТ заключил между собою соглашение, на основании которого Дон, Кубань и Терек, сохраняя в неприкосновенности свои конституции, по вопросам: внешним сношениям, военным, финансовым, экономическим и общеполитическим действуют объединенно. Что же касается платформ этого совета, утвержденной 11 июня 1923 года, то она диаметрально противоположна, как прежнему договору, так и конституциям этих краев. Это постановление, которому присвоено название „Основного положения казачьей платформы“, от своего первого до последнего пункта проникнуто духом единовременности и сыновней преданности „матушке Москве“.

Последнее постановление есть логическая эволюция Об. Совета от независимости через федерацию к областной автономии казачьих Войск. Если последующим девизом ОСДКТ будет: „Великая, единая и неделимая Россия“, то это будет логическим последствием его предыдущей деятельности в духе „постановлений Казачьих законодательных органов Войсковых Кругов и Рад“.

М. Черныш.

18 апр. 1933 г. Нью-Йорк.

К моим станичникам-цымлянам.

Обращаюсь к вам, станичники донцы-цымляны, будьте верными казаками. Тихого Дона и не опускайте свои казачьи головы в унынии. Вспомните своих героев дедов и прадедов, которые своими головами и кровью добыли нашу казачью землю, и отцов наших, — они в тяжких политических условиях не унывали духом и с честью несли имя казачье. На нас лежит долг наше дедовское наследие в целостности передать нашим детям. Мы не должны стать поколением, которое утратило свое национальное достоинство и свободу для наших потомков.

Дорогие станичники, будьте казаками, выбросьте из головы те мысли, которые рекомендуют вам некоторые наши противники, что казаки будте затем только и существуют, чтобы служить русскому царю или охранять русские границы, отдав все свое казачье в распоряжение русским. Мы должны думать и заботиться первым долгом о своих и себе, а потом, если будет можно, о других. Помните цымляне, что Россия — для русских, а Казакия — для казаков. Не забывайте, что каждый русский человек будет всегда думать только об интересах своего народа и будет стремиться использовать нас в интересах его. Так мы, прежде чем верить чужому человеку, должны подумать, есть ли у нас с этим народом общие интересы, выгодна ли ему наша свобода и наше возрождение и процветание.

Россия всегда стремилась через своих чиновников и прислужников из казаков использовать казаков в своих целях.

Знайте и помните, цымляне, что мы, казаки, вполне свободно (и политически и экономически) можем жить своей самостоятельной государственной жизнью, ни от кого ничего не прося. Вы знаете, как богат наш Дон, знаете также, что богата и Кубань и Терек, и другие наши казачьи земли.

Так вот, дорогие цымляне, обращайтесь свои взоры и мысли не на русское, а на свое, чисто казачье, не забывайте одну истину, что никакие Миллеры, Фон-Лампе, а также изменившие нам Атаманы не освободят нас.

Уже пора казакам это понять и самим взяться за свое дело и все силы направить на дело нашей свободы, постараться каждому помочь правому казачьему делу и тем освободить из горького плена наших отцов, матерей, жен и детей.

Так не вешайте же голов, дорогие цымляне, и все те казаки, в ком еще не застыла кровь казачья, и бодро, с верой становитесь под вольноказачье знамя, которое стремится к нашей свободе и к нашему счастью. Только этим путем мы добьемся права свободно и по своему жить на своих законных дедовских землях, так густо полных казачью кровью и густо усеянных костями наших братьев.

Многие из вас, наверно, слышали, как наши противники говорят, что у вольных казаков нет ни генералов, ни полковников, а самый рядовой элемент. Не правда это, есть у нас и генералы, есть и полковники. Слава Богу, не все нам изменили. А если бы и все генералы ушли бы от нас к русским, на сторону силы и бесправия, против своего народа, то и тогда мы не должны пугаться. Был бы народ, а вожди найдутся, а вот без народа вождям бывает, как видим в русской эмиграции, весьма печально.

Вспомните 1918 год, когда мы поднимали восстания. Не было у нас ни оружия, ни генералов, ни полковников. Когда мы с голыми руками прогнали со станиц вооруженных красных, отняв у них ружья, пушки и пулеметы, пришли к нам и генералы и полковники, которые честно пошли с нами... Сейчас, когда Казачество опять оказалось в опасности, вольноказачий дух все шире и глубже охватывает рядовое казачество и мы спасем свою казачью родину. Все, кто с нами, добро пожаловать, будем ценить и благодарить за честное служение.

В борьбе самое важное — дух народа. Когда у нас был смелый дух, мы с плетью побеждали врагов, а когда у нас пал дух, то ни пушки, ни пулеметы, ни генералы генштабисты, ни просто генералы, ни полковники — ничего не помогло и мы катились беспорядочной массой перед меньшим по численности врагом...

Казачество, если оно не хочет погибнуть позорно, должно объединиться на одной идее. Не обращайтесь внимания, что некоторые наши бывшие вожди тянут нас в сторону наших губителей. Это они за свой личный интерес работают, а наш казачий интерес в Вольном Казачестве.

Стремись, казак, за честь и славу, строй свою огненную лаву! „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“.

Ф. Карташов.

18-II-33. Монтаржи. Франция.

В Варшавском журнале „Wschód“, в номере 1—2 за настоящий год напечатана статья редактора „В. К.“ И. Билого „Казак и казачий вопрос“ (на польском и английском языках).

Около выставки славянских журналов в Праге.

7 сего мая закрылась первая выставка журналов всех славянских народов в Праге, на которой казачьи журналы были выставлены под своим собственным именем, наряду с журналами других народов.

Устроители выставки составили особый список избранных, хорошо отредактированных, иллюстрированных славянских журналов, которые они (устроители) рекомендуют публичным библиотекам, каварнам (кофейням) и газетным киоскам всех славянских стран. В этот список занесены и три казачьих журнала (русских — два, украинских — один): на первом месте стоит „Вольное Казачество“, далее: „Казачье дело“ и „Казачий журнал“. Так как последние два журнала уже не выходят, то практическое значение рекомендация устроителей первой выставки славянских журналов имеет только для „В. К.“

В вечернем издании пражской газеты „Národní Politika“ 28 апреля инициатор выставки г. инспектор, писатель Эмерих Чех в статье „За объединение славянской культуры!“, говоря о славянах, живущих сейчас в

Сов. России, перечисляет их так: великороссы, украинцы, белоруссы и казаки. Перечисляя выставленные журналы по народам, перечисляет их: болгарские, чехословацкие, югославянские, лужицко-сербские, польские, белорусские, великорусские, украинские и казаки. — Это первый раз, кажется, в заграничной прессе казаки поставлены наряду и наравне с другими славянскими народами. Это же, одновременно, является первым действительно полным списком всех славянских народов.

27 апреля в той же „N. P.“ помещена фотография выставки. Захвачено целиком и отделение Вольного Казачества.

Очень недоволен выставкой „славянин“ Д. Мейснер из „Последних Новостей“ (см. номер от 3 сего мая). „Плохо, и очень плохо“, „печалуется“ г. Мейснер, что „казаки выставили свои издания не как издания русские, а как издания особого казачьего народа“.

— А по нашему это совсем даже не плохо!

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

Я, станичники, опять нащел Белграда.

Потому — жизнь у нас ключем бьет и никак не останавливается. Есть у нас один генерал. До сих пор он ничем не выделялся. Ходил себе человек по улицам на службу — и молча по России страдал... Марш „тоску по родине“ насвистывал.

Не так давно — активизировал его другой генерал — поставил начальством.

Стал наш генерал за президиумским столом подперевшись ручкой сидеть и моргать... Стал молебны заказывать. Не прошло много тому — начал он своей ручкой отчеты подписывать — кто, мол, заметил и не заметил — прошу сообщить!

Но мало ему такой кипучей деятельности.

Вовсе недавно, извините, в дамском кружке патристическую речь хватил. С юношеским жаром. Одна дама до того умилилась, что даже закокетничала.

А надась, кроме вышеизложенного, еще один факт случился.

Дом русской культуры освящали.

Русских казаков, конечно, туда не позвали. Но генерал наш явился. Место ему чудок не по чину. Во втором ряду сзади. Но шею вытягивать, если не видно, не велели. Оно и на самом деле, еще ктонибудь из гостей увидит. Этакая дуля под потолком на галерке качается. Зрительный горизонт портит. Туда сюда заглядывает.

Еще обидится ктонибудь из гостей. Что, скажет, у вас там за кес ке се? А?

Только и разрешили ему — зрение напрягать.

Генерал, конечно, скромно отсидел положенное время. Пошептал немножко. А когда конец подошел, почесал он по ошибке коленку своего соседа, извинился, „пardon“ сказал, думал — моя-с!..

И — вышел без инцидентов.

Ведь может же быть человек с такой бешеной энергией! Аж удивительно!..

И писатели у нас есть. Один в Белграде, а два в Суботице. О белградском пока подожду говорить. Его станичник Букин просил назваться. Вот когда назовется, тогда и потолкуем. Есть еще аноним из Суботицы. Под статьей „казак“ подписался... Фамилию свою не назвал, застенялся... может быть и действительно не подходящая... не для печати. Человек и скромничает!

Однако содержание статьи небезинтересное. Этаким специально суботицким „взгляд и нечто“.

Лига Наций дерьмо, китайцы — тьфу, доллары — пхе, банки — дрянь...

Кажется, одну только теорию Дарвина и не разбил — остальное все под орех разделал. И мысль свою высказал. Право в силе.

Открыл человек Америку и жив остался.

Но за что он больше всего обиделся — это за старшину. Авторитет, говорит, подрывают!

Читал я статейку и все мне думалось, что уважаемый автор — из полковников...

Ну, а скажите, господин „казак“, за что же такую как вы старшину уважать прикажете? —

За то, что предала и продала казачество? Или за бездеятельность? Или за растащенные казачьи средства? Или за подличанье и „разведку“, за шпионство на могилах? Или еще за какие иные художества?

А вот нащел путевых звезд вам, извините, пора перестать брехать!

С этими самыми звездочками вы сюда нас и привели. И вам за казаков Богу молиться надо, что они терпят. А не вышибли из вас этих звездочек. Чтобы другой раз, обанкротившись во всех отношениях, не лезли вы куда не след. Стыд и совесть иметь нужно, господа банкроты.

Есть в Суботице еще один „писатель“. Человек чина не большого, но также ума палата!

У него в статье мыслишка не плохая есть.

Расшибает он с одной ручки вольных казаков и говорит сердешный — „Остается (читай строителям Казакии) — превратить неказачьих в казаков. Но и это не помогло бы, так как если взять за истину утверждение журнала „ВК“, что казаки не русские люди, то как же русские люди смогут вдруг стать казаками и этнически переродиться?“

Мысль по глубине своей достойная Бурдана животного!

Ну, а скажите, господин подесаул, мадьяры, отошедшие после войны к Сербии и принявшие югославянское подданство, — этнически переродились? Что такое казачье слово „приписать“? Не соответствует ли это понятие „переменить подданство?“ Или, по вашему, менять его может тот, кто сможет и этнически переродиться?

Лучше всего будет, если вы примите жаропонижающего и два дня не будете вставать из кровати. Это помогает. Попробуйте ка за время отдыха этнически переродиться в итальянца. И почитайте еще чтонибудь, кроме Добрынина. Уверю вас, есть и еще книжки... А то вот бухнули статейку и того с.. испачкались...

И к чему вы подписались. — Донского мол Войска и т. д. Разве Дон виноват? Уж его то, старика, срать не следовало.

Пражские миниатюры.

Вот говорят, что в Белграде казачья жизнь ключем бьет и из этого ключа Павел Поляков темы для фельетонов черпает и никак не может исчерпать. Дюже уж богатый, будто, ключ.

По моему, белградцам нечево особенно хвастаться. У нас, в Праге, братцы, не хуже. Потому Прага тоже город большой и древний. И тут такие люди эмигрантские водятся, что будь у нас фельетонист, как там у вас, так тоже не исчерпал бы, а кабы чехи имели свою чешскую Беловежскую пушу, так давно бы она была переполнена. Некоторые факты нашей жизни тоже очень следовало обобществить, т. е. достоянием общества сделать.

Вот, например, сейчас. Происходит в Праге выставка славянской прессы. Слов нет; дело хорошее. Потому, собрать всю славянскую прессу, посмотреть и сравнить — весьма любопытно. Ну, выставка как выставка, очень много журналов на всех славянских языках...

Ясно, что есть там и казачья пресса, среди которой Вольное Казачество качеством и количеством своих изданий занимает доминирующее положение, как и подобает настоящей казачьей прессе.

Казалось, чего бы тут такого. Нравится, не нравится, — просматривай и проходи. Что ежели особенное заметишь, отметь в своем блокноте. Ан нет. И сюда ворвался эмигрантский зубр и хотел весь казачий отдел додануть.

Был день, как день. На выставке тихо. Время обещенное. Людей мало... (Ах, фельетониста у нас нет, вот бы описать! Насчет фельетониста хоть караул кричи. Тут народ все сурьезный. Куда не кинь, все на вышнего, будущего или настоящего вожда попадешь, а вот фельетонистов — хоть шаром покати).

Входит один с усами и бородкой. Быстро пробегает орлиным взором всю выставку и вдруг, как вкопанный, останавливается перед казачьим отделом... И раздается голос зычный:

— Э! кто тут старший! Как смели выставить казачью прессу наравне с русскими, болгарскими, чешскими?.. Как могут казаки занимать равное место среди славянских государств!.. Как смели вывесить эти казачьи флажки наряду с государственными флагами других славян!..

Тут смущенно подходит к нему должностное лицо и начинает доказывать, что казаки такие же славяне, отдельное племя, имеют свою прессу, почему же им не выставить свою прессу. Кстати их в эмиграции меньше, чем русских в несколько раз, а пресса у них не хуже и не беднее...

А зубр и слушать не хочет.

— Нет, нет, я это так не оставлю!.. Вы узнаете меня, я вас протяну в печати!.. Помогаете расчленять Россию!..

Тут уж выходит из себя должностное лицо. Резонно заявляет: — М. Г., устроители выставки имеют определенную программу и положение, по которому мы не могли отказать казакам в участии на выставке, а ваше мнение нас не интересует, пишите где угодно и что угодно!

Отвернулся и ушел. Тут к зубру подошел вертевшийся тут человек, посетитель и, мягко так, говорит:

— Я вот не друг этого журнала (указывает на „ВК“), но должен сказать, что вы не правы, казачья пресса заслуживает того, чтобы она была выставлена, да и комиссия у них отметила больше лучших журналов, чем в русском отделении и „Вольное Казачество“ — лучший журнал. Это надо признать...

— Да кто вы такой?!

— Я из казаков.

— Ну тогда я п-а-а-анимаю!!! (конец слова нужно произнести с трагическим шепотом и руками сделать драматический жест отчаяния).

— Извините, а вы кто будете?

— Я — бывший можайский городской голова Кастров-Гвоздичкин!!! (тут надо руки назад, а голову со сверкающим взором вскинуть к потолку).

Казак (видимо пройдошный) быстро отвечает:

— Ну, тогда и я понимаю!!!

На этом, говорят, обмен мнениями кончился и воцарилось натянутое отношение.

Чем это не тема для фельетона? А таковых фактов тут у нас много. Так что, белградцы, не хвастайтесь перед нами — пражанами.

Шалвур Ниминон.

Казачья эмиграция.

Видин.

Видинская вольно-казачья имени А. М. Каледина станица, благодаря хлопотам всеми уважаемого станичного атамана И. И. Коржова и др. лиц — членов станицы, встретила Пасху дружной семьею. После освещения куличей в церкви, все собрались в помещении одного из станичников, где и был сервирован при помощи дам казачек общий пасхальный стол. Пропев хором Христос Воскресе, приступили к разговенам. Были пропеты Донской, Кубанский и Терский гимны. В дальнейшем время за столом было проведено в дружных задушевных беседах, воспоминаниях о прошлом и надеждах на будущее. Вспоминали Родные края, дорогих лиц, оставшихся под большевизмом. Говорили о распятом большевиками Казачестве, о его страданиях и лишенных возможности в данное время помолиться в своих закрытых чекистами храмах Божьих и встретить Пасху с тою радостью, к каковой встречали в былые времена до большевизма. Конечно, при этом грусть охватывала сердца и души присутствующих. Но таковы уже казаки, они умеют и в горестях быть стойкими, вспомнив с грустью отсутствующих своих дорогих лиц, отдали должную дань и веселью в радостный Пасхальный день.

Много было пропето казачьих исторических и бытовых песен, при чем песни эти тут же и комментировались, разбирались по их смыслу и значению для ка-

зачества. Непринужденность и сердечность исключительно царили за столом.

Быстро пролетело несколько часов за общемою беседою и все ободренные, воспрянувшие духом вольного казачества, не без сожаления разошлись по домам, веря и надеясь, что и в дальнейшем все члены вольно-казачьей станицы будут держаться теснее друг друга во имя общей, святочной для всех цели — свободы казачества и их Родины, будущей самостоятельной Казакции.

16-IV-1933 г.

(Соб. кор.)

Из жизни казаков в Польше.

Небольшая группа казаков в районе Пинска до сих пор жила неорганизованной жизнью, занятая повседневной заботой эмигрантской жизни. Наблюдая это печальное явление, мне неоднократно хотелось собрать у себя станичников и по душам, по казачьи, поговорить, обменяться всем тем, что у каждого наболело на душе. После неоднократных попыток мне, при деятельной помощи станичника Воробцова, удалось осуществить свое намерение.

На второй день Пасхи собралась у меня группа казаков. За праздничным скромным столом полилась задушевная беседа. Обнаружилось взаимное согласие и полное понимание нужд дорогого нам Казачества, ны-

не находящегося в смертельной опасности под властью завоевателей.

Особенно с горячими и убедительными речами выступали станичники Коробков, Кожевников, Воробцов и украинец Гоженко. В разгар обмена мнениями как раз пришло мне письмо от инж. С. Тулаева, в котором мы нашли дельные соображения и советы огностительно закладки местной вольноказачьей организации. Это еще больше укрепило нашу веру в правоту нашей инициативы и группа дружно решила собраться в другой раз и официально заложить вольноказачью станицу и зарегистрироваться в вольноказачьем центре.

Огнине, думаю, дан толчок к сознательной и организованной жизни нашей группы, что будет способствовать сохранению на чужбине нашей духовной силы для участия в будущем в освобождении своей казачьей Родины.

Д. Уваров. (Польша).

В Белграде.

25 апреля с. г. в Белграде О. атаманом П. С. Поляковым был прочитан доклад на тему: „Характеристика главных путей истории развития государства российского и Казачества“.

Несмотря на проливной дождь, помещение студенческой станицы было заполнено слушателями.

Докладчик в широко разработанной теме, довольно ярко обрисовал пути развития Российского гос. и Казачества. И был награжден дружными аплодисментами аудитории. (Соб. кор.).

В Белграде.

Кружок дам казачек при Белградской Кубанской станице, уже несколько лет ведущий свою скромную, но полезную деятельность, ознаменовал и минувшие Пасхальные праздники устройством „красного яичка“ для казаков стариков и детей. Не располагая никакой постоянной материальной поддержкой, Кружок и этот раз провел свою работу только на средства, собранные путем добровольных пожертвований. Нельзя не отметить высокого внимания короля Александра, пожертвовавшего Кружку по его прошению 3000 дин.

На этот раз Кружок не ограничился только раздачей куличей и пр. старикам и детям были приготовлены и подарки. Вся работа по приготовлению подарков (выпечка куличей, шитье детской одежды) была выполнена самими дамами Кружка, с помощью некоторых кубанских портных, безвозмездно пошедших навстречу Кружку. Работы всем было много, но особенно следует отметить горячее участие в деле самой председательницы Кружка А. С. Курганской, А. М. Бибики, И. Р. Дмитренко, А. П. Никулиной и др. В результате многие из дам, отдавая свое время работе в Кружке, не смогли во время управиться со своей домашней работой перед праздниками и не явились на раздачу подарков, когда предполагалось сфотографироваться всем составом Кружка.

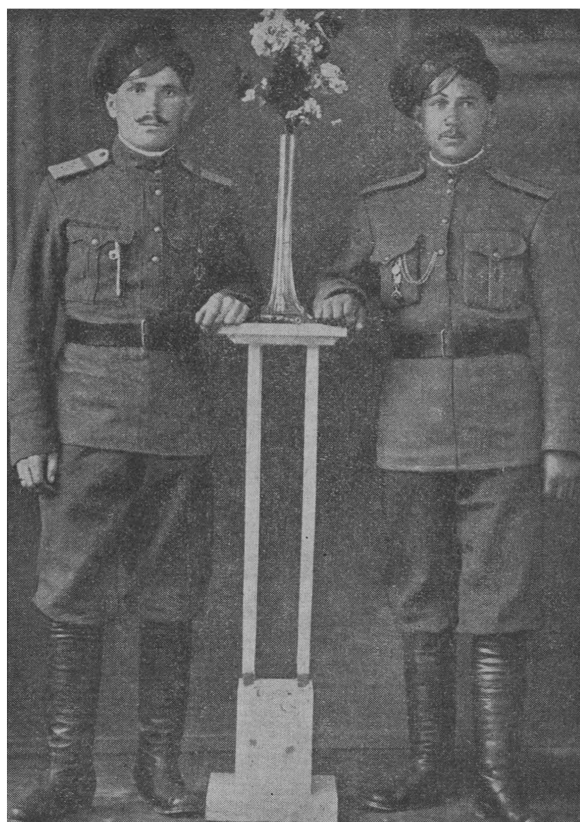
В страстную пятницу, к 4 ч. дня на квартиру станичного атамана стали собираться старики и дети в сопровождении родителей. В числе записанных были и не члены станицы. Здесь им всем были розданы подарки — куличи, яйца, сало, старикам по шкалику водки, детям одежда.

В результате нужно сказать, что и это начинание Кружка сопровождалось неизменным успехом. Остается только пожелать членам Кружка сил и успеха в дальнейшей работе на пользу Казачества.

(Соб. кор.).

Не клеветайте на мертвого!

Дорогой станичник редактор. В мартовском номере „Кавказского Казака“ опять сделано выступление по поводу заметки „к смерти Б. А. Кундрюцова“. Заявляю, что считаю ниже своего достоинства вступать в дальнейшую полемику по поводу якобы имевшего место отречения от Вольного Казачества дорогого мне покойника.

Мы, вольные казаки Войска Донского шлем привет нашему Вольно-Казачьему Центру, всем зарубежным Вольно-Казачьим станицам, хуторам и группам, разбросанным в чужих землях, и всем казакам в родной Казакции, под игом Московских оккупантов сущих. Дорогие братья казаки, час конца скитания тут и начала освобождения там близится. Будем же верить и стремиться к созданию единой неделимой казачьей семьи, потому что это есть единственный наш Казачий путь, который может привести к освобождению от ига русско-большевического насилия нас и нашу родную независимую мать Казакцию.

С Божьей помощью вперед!

С вольно-казачьим приветом:

М. И. Чеботарев, станицы Орловской,

И. К. Быкадоров, ст. Атаманской.

11-IV-1933. Суботица.

Мне тяжело и неприятно, что эта полемика завязалась, тем более, что еще в свое время я была противницей ее и всегда убеждала и останавливала от нее и моего покойного мужа, находя это совершенно лишним, всегда помня хорошую латинскую пословицу: „margarita ante porcos“ — не расточайте бисера перед недостойными — мягкий перевод ее; дословный не хочу приводить, чтобы не уподобляться „Кавказскому Казаку“, который в своих выражениях не только не стесняется, но и не знает границ. Прошу также не помещать в Вашем уважаемом журнале никаких статей друзей и соратников моего покойного супруга, доказывающих г-ну Соломахину и ему подобным то, в чем они сами глубоко убеждены и за что мой покойный муж в свое время получал не мало „лестных эпитетов“. Вольным же казакам и лицам здравомыслящим и логично рассуждающим, чье мнение мне дорого — нечего доказывать; из журнала „В. К.“, писем и статей, посвященных Борису Александровичу, ясно видно, какую память сохранили они о нем.

Теперь несколько слов г-ну Соломахину. — Оставьте в покое бездыханное тело моего мужа и не тре-

пайге его имя, когда его нет в живых, — уверяю Вас, что кроме укора и порицания со стороны казаков, Вы этим ничего не добьетесь. Поищите другие способы борьбы с ненавистным Вам Вольным Казачеством, но не тревожьте покойника, не имеющего возможности реагировать на Ваши нападки; ведь Вы в бытность свою вольным казаком, вернее, как Вы впоследствии сами заявили — „разведчиком“ в В. К., были посаженным отцом Бориса Александровича и не раз в своей вольно-казачьей работе он руководствовался Вашими инструкциями. Лицу же „вполне заслуживающему Вашего доверия“ скажите, что не приличествует его социальному и общественному положению на основании то там, то здесь подхваченных „сведений“, „предположений“ и дискретных разговоров, не подкрепленных никакими документальными данными, уподобляться бабе-сплетнице.

Елена Кундрюцкова.

От редактора: Мне совершенно непонятна „политика“ г. Соломахина в вопросе об „отречении“ покойного Б. А. К. от В. К. Странное это было „отречение“! — В самом деле, Б. А. умер 15 февраля, а 6 февраля послал мне всю свою канцелярию и все еще имевшиеся у него произведения, с сопроводительным письмом, которое оканчивается так: ... „Всю жизнь и все отдал Родине и борюсь не для себя, а для Вас и за Вас, потому что Вы воля идейных людей...“

Я первый раз не хотел его распубликовать (восьмью неохотно делаю это и сейчас) потому, что оно если и грешит чем, то не в сторону отречения от В. К., а в сторону преувеличения значения моей собственной особы в деле В. К....

Я думаю, что всего этого совершенно достаточно, чтобы самым решительным способом отвергнуть негодную попытку наших противников и врагов покойного Б. А., старающихся ныне задним числом набросить тень на светлое имя поэта казачьего возрождения.

Всякую полемику по этому вопросу считаем законченной.

Присланных Б. А. его произведений хватит печатать в „В. К.“ по крайней мере на год.

И. Билый.

Не ради полемики.

В пасхальном номере „Кавказского Казака“ (за Март месяц) суботицкими г. г. офицерами уделено очень много внимания мне. Я этого не ожидал. Иначе как же может быть. Еще будучи там, естественно, я точно определил лиц, враждебно настроенных против всего казачьего: все у них русское и все они русские. Но таковых лиц очень немного. Открыто обмен мнений происходил у меня лишь с г. г. Щербаневым и Бедняшным; г. Проскурнин в разговоры не вступал. По моему, он время от времени разговаривал только сам с собой.

Держкое „выступление“ г. Власова по адресу В. К. я не могу считать прениями или обменом мнений. В его заранее подготовленном письменном „ответе“, кому-бы то ни было из самостоятельных, были без стеснения собраны самые „лестные“ эпитеты и нехватало лишь отборной ругани. Параллельно с ненавистью к казачеству была ярко показана преданность России. Прочитав свой „доклад“, г. Власов покинул собрание.

А г. Бабенко? Это вероятно тот, что спросил про письма с Родины? Я прочитал выдержки из писем отсюда и ему не понравилось: они изволили усумниться в действительности, что было видно по выражению их лица.

Больше никто со мной из слушателей в споры не вступал. „Существенных“ поправок я не встретил со стороны вышеупомянутых оппонентов. А если были какие „поправки“, то я их опровергал ссылкой на имевшиеся под рукой документальные данные. Мною — да — были г. г. оппоненты поставлены втупик при вопросе „о сговоре с русскими людьми“... Припомните!.. Казаки были на моей стороне. Многие не высказывались только потому, что, как мне известно, над каза-

ками все еще устраиваются „эксперименты“, вроде запугиваний...

Что касается моих „неточных“ сведений в докладе, „излияния желчи“ по адресу старой, — ныне несуществующей, России и Добармии, — скажу следующее.

В начале моего доклада я сказал, что доклад основан на мемуарах Врангеля, Деникина и книги Покровского „Деникинщина“. Здесь же мною было сказано, что с своей стороны я никаких комментариев делать не буду, а даю слушателям лишь материал по источникам общедоступным, так что кому будет угодно сверить мои сведения, как я тогда сказал, пусть благоволяет достать эти книги и убедиться в точности сведений, откуда взятых. На этом основании смею уверить г. автора статьи „Казачьи Настроения“ (не подписавшегося под своим „произведением“, но известного!), что он поспешил обвинить меня в пристрастии и недобросовестности приемов политической борьбы. Относительно созданного мною впечатления на казаков — разрешите знать мне. Не надо к себе причислять „многих“: они не вам принадлежат. Этих многих я видел во время лекции и после.

В моем докладе никто не мог слышать ничего подобного с той теорией, которую вы приписываете „пражским апостолам“. В программу Вольного Казачества входит одна из главных задач: объединить казаков всех окрасок около одной — казачье-национальной, ибо все остальные есть ни что иное, как разная болельность, продолжающая некоторых казаков держать в дурмане. Прискорбно, что поддерживающими эту болельность являются некоторые из начальников вообще, тех начальников (казаков), кому так или иначе вверялись жизни своих же братьев-казаков.

А если мы говорим об ошибках прошлого, так только затем, чтобы в будущем не повторить этих же ошибок. Мы не хотим быть преступниками в отношении Казачьего Народа, а потому и стараемся излечить Каз-во от болезни и познакомить его с истинным положением вещей в прошлом и настоящем.

Слава Богу, что среди Казачества мало приверженцев такого мышления, как у г. автора „Казачьих Настроений“: „право не в правде, а в силе“. Если право в силе, то вам и подобным место среди тех, кто этим „правом“ обладает ныне там...

О каком таком праве казаков вы говорите в конце вашей статьи:

„По заслуженному праву казаками, нам безоговорочно должно будет отведено тогда достойное место для полного восстановления Казачества“... Ведь по вашему же выходит, что казаки такого права иметь не могут.

Не есть-ли это ваша наивность и противоречие самому себе?.. К сожалению, прихожу только к такому выводу: как далеки вы от дум о благоустройстве Казачества.

Хотя, зачем вам об этом думать. Ведь там русские большевики готовят казаков ко дню „безоговорочного отведения достойного места для полного восстановления Казачества“...

Отвечать г. Власову считаю ниже своего достоинства, во-первых, потому, что надо было видеть г. Власова, наблюдать его и слышать, чтобы лишний раз метать пред ним бисер. Для таких казаков, как он, есть только все русское. Во-вторых, я не сторонник полемики на страницах печати, где отнимается место для статей полезных и приятных каждому читателю. Наконец, на подобные статьи, как у г. В., уже отвечали.

Время и наша работа приведут всех казаков к самим себе и к осуществлению нашей Идеи.

Николай Букин.

Г. Соломахину.

Вы изволили меня назвать обнаглевшим донцом, так я скажу, что такого наглого человека как вы, едва-ли придется когда встретить. Те „клинья“, какие по вашему мнению, я хочу забить между вами и Войск. Ат. ген. Науменко и ген. Звягинцевым, давным давно забиты вами. Вы пытаетесь сейчас их вытащить.

Я поражаюсь вашему начальству, что оно, на стороне не лестно о вас отзываясь, все еще терпит вас. Может быть вы также бессменны.

А в верности моих слов в „Вынужденном выступлении“ я могу принести какую угодно клятву и, кроме того, доказать чем-то и другим.

Пожелайте только вы этого. Приподнесем и еще кое-что.

Человека, который, по вашему, „вполне заслуживает доверия“, покорнейше прошу немедленно отзываться и назначить время и место для объяснений по поводу „отречения“ Б. А. Кундюркового от В. К.

Николай Букин.

Р. С. Впредь никому и никогда, ни на какие живые и желчные выступления противников В. К. отвечать не буду. Я это считаю умышленным с их стороны мешать нам работать. В своей полемике мы уже достаточно доказали, что приемы борьбы противников В. К. есть разлагающие Казачество в целом и ведущие в подъяремное состояние эмигрантским русским „барам“. Их желание держать казаков в неведении и безмолвными.

Н. Б.

Тоже Казачеству для сведения.

В мартовском номере „К. К.“ (стр. 31) г. С. Федоров объявляет о том, что в № 125 „В. К.“ в своем ответе на ложь „вольных казаков“ из „К. К.“ я допустил „искажение, передергивание и подтасовку фактов“, очевидно, чтобы оправдать свой отказ „предстать перед уставным В. Казачьим третейским судом“. Далее (в заявлении г. Федорова) следуют „сильные выражения“, „жест“ с традиционным „считаю ниже своего достоинства“ и даже такие заявления, как „могу работать с каждым, кто не за большевиков...“

— Считаю я, что грешно отнимать место на страницах „В. К.“ и утомлять читателей личными препирательствами. Тем не менее заявляю самым категорическим образом, что никаких личных препирательств у меня с г. Федоровым нет сейчас и в прошлом не было никаких личных „недоразумений“. Наш спор с ним — шире. Вот почему я должен буду остановиться здесь на последнем „объявлении“ г. Ф., ибо считаю, что непригоже „безвестным людям“ занимать такие посты, как, хотя бы, редактор „В. К.“

В чем выразилось мое „искажение, передергивание и подтасовывание фактов“ — глубокая тайна г. Федорова. Вероятно в том, что я оперировал документами, подписанными и самим же Федоровым.

Тепер по вопросу о суде. Уже из № 125 „В. К.“ видно, а на этом месте еще раз решительно заявляю, что ни от какого третейского суда я не уклонялся уже по той простой причине, что г. Федоров на такой суд ни разу меня не вызывал. Из помещенного же в № 125 документа видно, что собиралась привлечь меня к третейскому суду организация членом которой я уже не был, но эта организация сама отказалась от своего намерения. Это последнее „дело“ „объединения“ (см. 25

Памяти Б. Кундюркового.

Многоуважаемый Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах родного журнала „В. К.“ несколько слов, посвященных казаку-поэту Борису Александровичу Кундюркому.

Мы, вольные казаки Борского вольно-казачьего хутора, собравшиеся на свой хуторской сбор по поводу утраты одного из лучших сынов матери Казакии казака-поэта Бориса Александровича Кундюркового, жертвенно отдавшего свои силы и молодую жизнь в борьбе за святые идеалы казачества и унесшего в могилу свой поэтический талант в расцвете молодой жизни.

Этот истинный сын казачества Б. А. всю свою жизнь боролся за свободу и освобождение казачества от русско-большевического ига, проповедуя всю истину казачьей правды, воспевая в своих стихах славу, заслуги, храбрость и любовь к родине Казакии.

Пусть тебе будет пухом легка земля, дорогой станичник Борис Александрович, спи спокойно и мирно до нашего возвращения в родные казачьи края и тогда понесем на Тихий Дон в твою родную станицу почивать вечно твои останки. Вечная память, вечный покой!

Хуторской атаман Никифор Кныш.

Писарь Н. Тобилка.

стр. в № 125 „В. К.“) имеет две стороны: формальную и по существу. Сторона формальная: „объединение“, согласно своего устава, могло организовывать третейский суд только для своих членов, но никак не для людей, стоящих вне организации (это ведь ясно и не для „докторов прав“). По существу: Правление „объединения“, предлагая мне (чего не имело права делать!), „предложить в восьмидневный срок двух судей“ и обещая „в случае неназначения (мною) судей... назначит их само“, — тем предоставляло мне выбор поступить так или иначе. Почему же правление не выполнило своего намерения и не назначило своих судей? — А потому, очевидно, что отказалось связываться с „делом“ г. Федорова.

Все же суды у меня с г. Федоровым были. Было два суда. Один характера „уголовного“, другой чисто гражданский. Подавал в суд (чешский) оба раза г. Федоров и оба раза проиграл.

И вот, чтобы доказать, что наш спор с г. Федоровым действительно не носит „личного“ характера, я вынужден буду, как только позволит место в журнале, опубликовать суть обоих судебных процессов.

Не знаю, будет ли это приятно для г. Федорова, но смею думать, что для некоторых его теперешних приятелей неприятным сюрпризом во всяком случае будет.

И еще одно заявление: Если в „К. К.“ или другом каком органе будут появляться нападки, „уколы“, ложь или иные какие гнусности против В. К. или против меня за подписью г. Ф., „вольных казаков из Праги“ или еще какой подобной, то опубликование обоих судебных процессов я должен буду ускорить.

И. Билый.

В К а з а к и и.

По советским газетам.

„М.“ за вторую половину апреля все „борется“ за „успех весеннего сева“. Как обстоит дело в действительности, видно из одних только аршинных заголовков.

„Рассвет встречать в борозде!“ — начинается переловая „М.“ 16 апреля. Ибо

„Оценивая тревожный ход сева по краю, особенно тревожный сейчас потому, что за 12-ое апреля край засеял только 46 тыс. гектар (т. е. снизил и без того не-

допустимо низкие темпы). Краевой Комитет по весеннему севу указал, что основной причиной слабого хода сева является „невыполнение норм пахоты, бороньбы и сева, как тракторами, так и при работе на живом тягле“, и поставил задачей в ближайшие дни увеличить темпы сева, по крайней мере, вдвое...“

„Дисциплины вот чего не хватает“, сокрушаются рядом... А тут же признаются: „кулаки находят опору в мелкобуржуазной расхлябанности...“

17 апреля: „М. Т. С. — в ответе за позорные тем-

пы сева!..“ „Последние дни вместо нарастания дали резкое снижение и без того недопустимых темпов весеннего сева“...

В Таганрогском районе „черепашьи темпы сева“...

Передовая „М.“ 20 апреля признает, что „на 15 апреля весь посевной план по краю выполнен лишь на 16,2%“.

„В Армавирском районе только 3 станицы (Вознесенская, Коноковская и Бесскорбная) выполнили план сева колосовых. В целом район продолжает отставать“...

„Крапоткинский (Кавказский) район не только не набирает темпов посева, но с каждым днем поздно их сдает“...

„Не может быть большего позора, чем сегодняшнее отставание в севе“ (касается Краснодарского района)...

„Кубань держит темпы всего края“...

21 апреля — в Миллеровский район — „приказание“: „Крепче удар по саботажникам, дезорганизаторам трудовой дисциплины!“...

22 апреля отдан общий приказ: „Беспощадно ломая кулацкий саботаж, завершить сев колосовых к первому мая“.

Там же: „Георгиевский район не засеивает за день и тысячи гектар“... А в Архангельской Прикумского района пашут „тремя гектарами за 11 дней пять с половиною гектар“...

23 апреля объявлено постановление „о ходе сева“:

„Признавая ход сева по краю попрежнему совершенно неудовлетворительными, Крайком указывает на явно недостаточную борьбу против элементов, саботирующих сев и его качество, а также на антипартийные попытки ряда организаций свалить свое собственное неумение организовать работу совхозов МТС, колхозов и бригад на объективные причины (дождь, слабое тягло и т. д.) и, таким образом, снять с себя ответственность за сев.“

Особенно это относится к кубанским районам (посеяно 192 тыс. га против 290 тыс. в прошлом году).

Кроме того, указать Леоно-Калитвенскому, Белоглинскому, Матвеево-Кургановскому, Мясниковскому, Н.-Александровскому, Медвеженскому, Изоб.-Тищенскому, Благодарненскому, Ставропольскому, Александровскому, Курсавскому, Георгиевскому, Моздокскому районам на недопустимо медленный разворот сева.

Предупредить кубанские и перечисленные районы о суровой ответственности партийных и советских организаций за продолжение позорного отставания темпов сева“...

Передовая 24 апреля признает, что „Край в целом на 20 апреля засеял только пятую часть всей той площади, которая должна быть обсеменена весной“...

Ветерок.

10 апреля в „М.“ помещен рассказ-отчет тов. И. Чилима о посещении им хутора Ветерок, рисующий новый „быт“ в казачьем краю, как его понимают оккупанты. Вот этот рассказ (с некоторыми сокращениями):

„Путник с котомкой за плечами остановился на взгорье, глянул кругом и заулыбался: экие зеленя, экое неоглядное море зеленое! Не вдали встречные под Сухим Кутом, под Возвиженской, когда рассказывали, что у алексеевотенгинцев озимка из годов вон: ровна, густа и курвиста.“

В самый разгар шума, в конце осени, вышел из штаба Григорий Хмелевской, хлопнул дверью и больше не слышал ни слова о хлебозаготовках, не видел, как бригады с Ветерка обследовали Причтовский квартал, как причтовцы ходили по дворам алексеевцев и алексеевцы обследовали причтовцев и ветерковцев. Григорий Хмелевской ушел из станицы, а вот сегодня, в сочную весеннюю тишь, возвращается домой.

— Гришка! Возвнулся!

— Возвнулся. Живые тут?

— Живые... Кто ее знает, живые, аль дохлые, только что ноги таскаем... Жизнь. Собаке не всхочешь такой жизни.

Бойкая боба перевесила через забор белые, обнаженные по локоть руки и затароторила, брызгаясь сло-

вами, как капельками желчи. Хмелевской смотрел в это сужившееся, тронутое морщинами, похуевшее лицо. Постарела за зиму Ольга Дьяченко. Только глаза сохранились — лукавые, сулящие, гостеприимные глаза.

— И тебя, значит, пробрало, Ольга?

Меня?.. Не на ту нарвались. Какого мне идола делается? Я их вот как.

И стало радостно на душе у Хмелевского. Все та же Ольга — шинкаря, все та же станица. Жив еще этот мудрый житейский прием: обвести кое-кого вокруг пальца. И он, Хмелевской, сумел кое-кого обвести.

По улице от калитки к калитке ездит сельсисполнитель — сзывает граждан на общеколхозное собрание, постучал и в ворота Якова Походни: приглашаются желающие единоличники. Об ограду памятника павшим борцам чешется корова. Тыжневой изругал корову.

Дожди приостановили пахоту, согнали бригаду со степи. Дольше всех оставался у своей полоски Остап Молдаван.

С утра в сельсовете переругивались красные партизаны. Нападали на Илью Дубовика, Молдавана, на Пашенку и Смирнова — партизан-единоличников.

— Неужто же в сознательность не пришли? Срамитесь — трое на одной кляче. Какие с вас хозяева?

Дубовик задернулся махорочной дымовой завесой и сплевывал под ноги.

— Мы колхозам не мешаем и они нам не мешают. А ежели государство забыло, как мы за свободу Кубани кровь лили?..

А я не лил? Но с тобой я вместе ее лил?

Жизотновод Василий Усатов придерживал прыгающую от тика щеку. Казалось кто-то ударил его и красная бежала от щек на уши, на шею.

— А Кондратов не лил? А Елисеев не лил? Почему же мы теперь руководители колхозов, а вы трое на одной — в степь ездите? Тогда был фронт, а теперь нет фронта?

— Мы не отказываемся и от этого фронта. Кто по единоличному сектору сдал сто процентов хлебозаготовок? Не мы, не красные партизаны?

— Верно. Спасибо. А в колхоз почему не идете?

— Пойдем. Когда сволочи в колхозе будет поменьше — пойдем.

— Назови, кто сволочь, я того кончу. Не назовешь? Трусишь! Служался. На фронте не пугливые были. Теперь спужались. А нам же на вас тошно глядеть. Нам государство продовольство дает, а вы лапу сосать будете. Коля тебе давать, так и Ольке Дьяченко давать и летуну Хмелевскому и жулику Гришке Положенцеву давать, — вот ведь какой ваш сектор.

— Ты меня с Олькой на одну линию? С Хмелевским на одну линию? Да я тебе за это вот как дам!..

Кипят и ничуть то они не боятся друг друга — упрямые стороны. И Василий на смекает единоличника Дубовика с „вшой“, как он зовет Ольгу и Хмелевского. Ругаются партизаны-калхозники с партизанами-единоличниками по привычке. Давно уж колхоз на деле дружит с лучшей частью единоличников и в плане, намерено включить их супруги в колхозную бригаду Кухаренко. И партизаны-единоличники давно это знают и довольны, и согласны. Ругаются потому, что в дождь больше делать нечего.

После партизанской пальбы проветривалась комната, когда появился Хмелевской. Он приветственно поклонился председателю Зайцеву.

— Андрей Андреичу. А я слушаю стучатся — говорят, — председатель зовет. Что же, мол, надо зайти, побалакать.

С видом человека независимого, Хмелевской шумно отодвинул стул, сел и, отвалившись на спинку, полез за кисетом.

— Обожди курить. Посторонним воспрещается. План за тобой нетронутый.

— Какой план? Тягла нет, сам знаешь. А на корове как сеять?

— План: шесть целых шестьдесят шесть сотых центнера хлебозаготовок. Ссыпашь сегодня? Говори сразу. Хмелевской заулыбался непонимающе.

— Хлебозаготовки? Да вы что Андрей Андреич? Скоро новый хлеб будет. Зеленыя-то какие! Иду я да

гляжу. И какие же зеленя у вас, Андрей Андреич. Вот, мол, когда гребанет колхоз хлеба, вот кому житье-то будет. Только бы убрать справились. Надо, думаю, писать заявление, не век вековать одному. Артелью, как говорится, жить веселей. А старое, что поминать? Кто старое помянет, тому...

Зайцев поблелел. Казалось поблелели самые глаза его, бешено полетевшие из орбит.

— Грачи! Стервятники! Слетаетесь? Он хрипом вызвал дежурного.

Бери гадину, а то я его кончу тут же. Под замок высшего паразита. Революционным методом, покуда я его не решил. Ставь над ним двух пожарных с винтами.

В углу арестного помещения всхлипывала вчерашняя колхозница Прасковья Корчагина. Около нее подетки дулась обиженная Манька Проскурина. Обе пойманы на выкопке только что засеянного картофеля. Бабы узнали Хмелевского и обрушились с жалобами.

— Ни за что хотят в район вести. Шли по полю, — видим лежит картошка. Ну, подняли. Потом еще одна попалась.

— Потом еще пуд попался? — усмехнулся Хмелевский. — Слышал. Дуры. Больно рано начали. Люди еще только сеют, а вы...

— А ты-то! Бирюк!

К вечеру пожарник впихнул в кутузку шумную женщину. Она с разбега ткнулась в Хмелевского и затараторила плаксиво. Он посмотрел на нее, встрепанную, разлохмаченную: сильно постарела Ольга Дьяченко.

... Василий Усачев выкладывал из корзины на стол президиума сельсовета огромные куски розоватого свиного сала. Сбоку легли два румяных окорока, несколько буханок печеного хлеба, пышки, плюшки, бутыл с пчелиным медом, куски сливочного масла. Рядом с корзиной — оклунок кукурузы; весом побольше пуда, сверху — серые плитки комбикорма.

— Пиши, Линник! — диктовал Зайцев секретарю и смотрел в потолок.

— Пиши: ...выше названная Ольга Дьяченко не сдала ни в хлебозаготовки, ни на семена ни одного кило. В то же время таковая систематически спекулирует печеным хлебом и вышеперечисленными продуктами, с каковых шкура не снята, чем злостно нарушено постановление Совнаркома. А также передерживает краденое. Конкретно заявила, что несет на базар бутылку молока, как у нас не на что купить керосина. И разлагает колхозников такими выражениями, что „на наш век дураков хватит“ т. е. трудящихся... Препроводить таковую классовую обнаглевшую паразитку в район, а конфискованные продукты...

Слышно было как проглатываются слюны и ходят желваки над челюстями.

— Андрей Андреич! — прошептал Усачев.

— Вася не на таких фронтах бывали. Утрись!

— ... „А конфискованные продукты, — пиши, Линник! — строжайше забронировать для тех пахарей, которые перевыполняют норму“.

— Андрей!..

Иконописная женщина улыбнулась Усачеву.

— Вася! Да рази все оглядишь? Милай! На складах у нас картошки вагон, а едим порцию, дак не слюним же и все предадим земле, кубанской черноземной, а она даст стократ. Наедемся. Плюнь, Вася! Чай, в тебе крепости побольше, чем в Парашке Корчагиной.

Когда корзину под конвоем вынесли, президиум казался похудевшим и переутомленным. Люди позевывали тоскливыми, львиными зевками, не находили слов.

Трудное заседание президиума закончилось мирно. Солнце на минутку глянуло из-за крайних хат Ветерка...

— А теперь с ударниками позаседаем.

В зале уже собралось свыше сотни колхозниц. Мужчины подтягивались медленно. В ожидании их первый вопрос — о ходе сева — отложили, поставив внеочередным прием в колхоз новых членов.

— Подано заявление Щербаковой Авдотьи. Была колхозницей первой бригады. Выгнали, как передерживала сестру-кулачку Акулину, что за Беловым Петром. Правление постановило отказать. Как общее собрание?

— Обойдемся без кулаков. — Резко бросила Авдотья Паршина.

— Бабы! Не губите! Вспомните, как я с дитем на руках сто тридцать три трудодня выгнала — ни дитю груди, ни мне отдыха.

— Что работала, то работала. Хорошо работала.

— Сестру не передерживала, отбивалась от нее, плакала, просила убрать.

— Муж у нее, у Авдотьи — красный воин Одинадцатой армии, погибший.

Зачитали документ — благодарность командарма красному бойцу Щербакову.

— Принять честную бабу, трудящую колхозницу.

После полчасового спора Щербакову приняли.

— Золотарева Елена. Была исключена, как муж ее паразит и бездельник.

— Разошлась я.

— Который раз?

— Четвертый. Ну он силой лезет в дом. Бродит, слоняется, а то опять ко мне, гоню, как паршивую собаку. Теперь пропал где-то. Выгнала на-чисто.

— Верно. Гнала все время лодыря. Исплакалась вся. Он же обел ее, все сто двадцать трудодней слопал, юбки проел. Работала она хорошо во второй бригаде, ну он заел. Принять надо!

— Бабы! Только вы помогите мне, если припрется, помогите отбиться от гадюки. Я его киятком...

Выясняется двухлетняя история семейной муки. Колхозница работает, опустившийся искатель счастья, лютун появляется, обжирает ее, распродает вещи и исчезает.

Ее приняли в колхоз под особое поручительство ударниц второй бригады.

— Банкина Дарья подала заявление. Жена жандармского офицера — Банкина Алексея. Работал в штабе начальника Забайкальской области, генерала Клятку. Бежал за границу. Там живет. Сын Лев Банкина пролез в трактористы, сгубил две машины, разлагал бригаду. Выгнали. Недавно вместе с сыном Банкина Дарья отогнала на базар и продала корову, потом заявила, что корову сын украл. Офицершу с треском выгнали из зала.

— Юриков Иван. Упрямый единоличник. Все обязательства перед государством выполнил, гектар засеял осенью, засыпал семена подсолнуха и кукурузы. Юрикова принимают без споров. Из 56 единоличников в эту дождливую ночь приняли — 16.

Партизанскую супругу в 6 лошадей включили в совместную работу с колхозной бригадой...

Вышла из печати книга:

ПЯТЬ ЛЕТ

„Вольного Казачества — Вільного Козацтва“

Сборник избранных передовых статей.

Цена книги: в ЧСР — 20 кч, в Югославию — 50 динар, в Болгарию — 100 лева, в Польшу 7 злотых, в Германию 3 марки, во Францию 20 фр. франков, в Америку — 1 доллар — с пересылкой.

Книгу „Пять лет „В. К.“ должен иметь каждый вольный казак.

Открыта подписка на 1933 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунову знамку, из-за границы
 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.